

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ЧУЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК: 343.9.018

Атабеков Кайрат Кулбакович

**КОМПЛЕКСНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Специальность 12.00.08.: уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**научный руководитель
доктор юридических наук,
профессор К.М. Осмоналиев**

Бишкек – 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Понятие и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности	
§ 1. Понятие и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности	12
§ 2. Методологические аспекты уголовно-правового и криминологического прогнозирования	36
Глава 2. Криминологическая обстановка и уголовная политика как объекты комплексного прогнозирования	
§ 1. Основные черты современной криминальной ситуации и возможности ее прогнозирования.....	61
§ 2. Уголовная политика как объект комплексного прогнозирования	80
Глава 3. Комплексное прогнозирование и перспективные направления уголовной политики	
§ 1. Прогнозирование и проблемы правотворчества в сфере противодействия преступности	103
§ 2. Прогнозирование перспективных направлений уголовной политики	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	132

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования и разработки проблемы комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности обусловлена возрастанием значения прогнозного мышления и повышения в современных условиях значимости требований по принятию решений в сфере уголовной политики, таких как компетентность, научность и своевременность. Масштабность проблем противодействия преступности, динамизм обстановки, многообразие процессов, связанных с воспроизводством данного явления, определяют необходимость опережающего анализа в развитии ситуации.

Среди множества острых проблем, стоящих сегодня перед кыргызским государством и обществом, на одно из первых мест все увереннее выходит преступность, особенно ее наиболее опасные формы - организованная преступность и коррупция. Масштабно и системно они по существу уже приобрели все признаки угрозы национальной безопасности страны. До недавнего времени масштабы и темпы распространения этих наиболее опасных видов преступности, включая наркопреступность в Кыргызстане, похоже, были таковы, что ставили под вопрос и социальную стабильность и перспективы кыргызского общества. Имевшие место в новейшей истории Кыргызстана две революции 2005 и 2010 гг., массовые столкновения на межнациональной почве 2010 г., тюремные бунты 2006 и 2012 гг., ряд заказных убийств 2004 – 2009 гг., а также признанная на самом высоком государственном уровне коррупция, в своей совокупности чуть не привели страну на грань распада.

Вместе с тем, существующие уголовно-правовые нормы, направленные на противодействие различным видам преступности, практика правоприменения и предпринимаемые меры предупреждения не всегда способствуют стабилизации ситуации. Одной из причин этого является недостаточный уровень прогностической деятельности в данной сфере, что проявляется в использовании преимущественно метода «проб и ошибок».

Новая криминологическая ситуация требует применения современных приемов управления процессами противодействия преступности, одним из которых является комплексное прогнозирование, включающее в свое содержание уголовно-правовое и криминологическое прогнозирование. Анализ преступности и мер противодействия ей требует реанимации основ менеджмента (управления) политикой превентивных мер, разработка которых была предпринята в семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия. Суть этого менеджмента – управления процессами противодействия преступности – уголовная и криминологическая политики государства, которые невозможно представить без неотъемлемых элементов – прогнозирования и планирования комплексных и систематических мер противодействия преступности, что обуславливает применение новых приемов и методов разработки эффективных решений такой социально-правовой проблемы как преступность.

Необходимо отметить, что проблема прогнозирования как уголовно-правового, так и криминологического применительно к сфере преступности в Кыргызской Республике не рассматривались. Эти обстоятельства обуславливают научную и практическую актуальность темы и необходимость ее исследования.

Связь темы диссертации с крупными научными программами (проектами) и основными научно-исследовательскими работами.

Диссертационная работа является инициативной.

Общая цель исследования - обоснование необходимости широкого применения уголовно-правового и криминологического прогнозирования в сфере противодействия преступности.

Частная цель - анализ состояния использования прогностической функции в деятельности соответствующих правоохранительных и правоприменительных органов.

Достижение указанной цели предполагается путем реализации следующих исследуемых задач:

- определение понятия и предмета уголовно-правового и криминологического прогнозирования в сфере противодействия преступности;

- раскрытие методологических основ уголовно-правового и криминологического прогнозирования в сфере противодействия преступности;

- исследование практики применения прогностической функции;

- подготовка предложений по совершенствованию уголовного законодательства и уголовной политики противодействия преступности.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с предвидением потребности общества в уголовно-правовом регулировании общественных отношений в сфере противодействия преступности, предвидением последствий изменения уголовного законодательства и уголовной политики, предвидением эффективности уголовно-правовых норм в процессе правотворчества и правореализационной деятельности.

Предмет исследования - соответствующее действующее уголовное законодательство Кыргызской Республики и зарубежных стран, практика применения уголовно-правовых норм, предупреждение преступности, юридическая литература по вопросам криминологического и уголовно-правового прогнозирования, состояние прогностической работы в сфере противодействия преступности.

Методологию исследования составляют основные положения материалистической диалектики:

- частнонаучные методы сравнительного правоведения, исторического, системного анализа;

- статистические и социологические методы исследования;

- документальный метод, метод опроса, экспертный метод;

- критический анализ и обобщение соответствующей юридической литературы.

Использование основных положений диалектической теории познания, позволяют изучить во взаимосвязи комплекс элементов, образующих предмет исследования. В исследовании использованы работы отечественных и зарубежных ученых по философии, теории права, уголовного права, криминологии и другим отраслям науки, относящихся к проблеме исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предпринимается попытка комплексного изучения проблем криминологического и уголовно-правового прогнозирования в сфере противодействия преступности в Кыргызской Республике. Достоверность исследования обеспечивается ее методологией.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности, определяемое как разновидность научного предвидения, основанного на синергизме криминологического и уголовно-правового прогноза, представляющей собой осуществляемую на систематической основе деятельность, направленную на определение перспектив уголовной политики и будущего состояния преступности.

2. Тезис о том, что криминологическая обстановка и уголовная политика государства, включающая концептуальную, нормативную, программную и правоприменительную составляющие, являются основными объектами комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности. Анализ основных криминогенных факторов, среди которых следует выделить продолжающуюся маргинализацию общества, ухудшение социально-экономических показателей жизни населения, неустойчивость институтов государственной власти, ее высокая степень пораженности коррупцией, кризис и неэффективность системы уголовной юстиции не позволяют представить оптимистичный вариант прогноза криминальной ситуации на краткосрочную и среднесрочную перспективы.

3. Анализ современного состояния прогнозирования в сфере противодействия преступности приводит к выводу об отсутствии системности, продуманности и редкости прогнозной составляющей процессов разработки и принятия управленческих решений в сфере противодействия преступности, включая правотворчество в сфере уголовной политики.

4. Вывод о том, что опережающий прогноз в сфере противодействия преступности является необходимым условием эффективности мер противодействия в рамках научно-обоснованной уголовной политики государства. Надлежащий уголовно-правовой и криминологический прогноз является основой планирования и программирования противодействия преступности, гарантом разработки оптимальной стратегии минимизации преступности, перспективных направлений и концептуальных моделей противодействия преступности.

5. Обоснование необходимости более активного использования прогностической функции в теории и практике противодействия преступности, актуальности формирования соответствующего прогнозного мышления сотрудников правоохранительных органов.

6. Рекомендации об обязательном учете прогнозной информации в правотворчестве как требования при разработке и принятии законодательства в сфере противодействия преступности. Обоснование недопустимости экспериментирования в уголовно-правовой политике. Предложения по криминализации или декриминализации следует рассматривать как непосредственный результат уголовно-правового и криминологического прогноза.

Личный вклад соискателя состоит в том, что основные научные результаты диссертационного исследования получены лично автором. Положения, выносимые на защиту, разработаны диссертантом единолично.

Практическое значение исследования заключается в том, что разработанные предложения могут быть использованы при

совершенствовании действующего уголовного законодательства и практики его применения. Результаты исследования позволят восполнить пробел в теории уголовного права в исследовании вопросов, связанных с уголовно-правовым и криминологическим прогнозированием в сфере противодействия преступности и выступают теоретическим обоснованием необходимости широкого внедрения научно-обоснованной прогностической функции в деятельность соответствующих правоохранительных и правоприменительных органов государства.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается также в том, что результаты могут использоваться:

- в научно-исследовательской деятельности по проблемам противодействия преступности;

- в учебном процессе высших и средних учебных заведений при преподавании курса уголовного права и криминологии, а также при подготовке лекций и учебных пособий по проблемам, связанных с противодействием преступности.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на заседании кафедры специальных юридических дисциплин департамента прав Чуйского университета. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях отдела права института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского Университета. Основные результаты проведенного исследования нашли отражение в восьми опубликованных автором научных работах.

Основные положения диссертации были доложены на научно-практических конференциях, в частности: «65 лет Великой Победе: связь с поколением» (Бишкек, 2010); «Гуманизация пенитенциарной политики Кыргызстана» (Бишкек, 2011).

Внедрение результатов диссертационного исследования в учебный процесс и практическую деятельность подтверждены актами, выданными Юридическим институтом при КНУ им. Ж. Баласагына и ГУУР МВД КР.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, опубликованы в 8 научных статьях (общим объемом 3,5 п.л.):

1. Место юридической социологии в становлении основ прогнозирования преступности [Текст] / К.К. Атабеков // Социальные и гуманитарные науки. – Бишкек. - 2010. – № 3-4. – С.55-57.

2. История развития теорий прогноза преступлений [Текст] / К.К. Атабеков, А.Ж. Жээналиева // Наука и новые технологии. – Бишкек. - 2011. – № 2. – С.229 - 231.

3. Основные методы прогнозирования административных правонарушений и преступлений [Текст] / К.К. Атабеков // Эл агартуу. – Бишкек. - 2011. - № 5-6. - С.72-77.

4. Проблемы и особенности индивидуальной профилактики преступлений [Текст] / К.К. Атабеков, А.Ж. Жээналиева // Научные труды «Адилет» Каспийского общественного университета. – Алматы. - 2011. - № 3. - С.74-77.

5. Предупреждение административных правонарушений и преступлений в Кыргызской Республике [Текст] / К.К. Атабеков // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына: Сер.5: вып. 4. ест. и гум. науки. – Бишкек. - 2010. – С.596-598.

6. Актуальные проблемы профилактики административных правонарушений [Текст] / К.К. Атабеков // Научные труды «Адилет» Каспийского общественного университета. – Алматы. - 2011. - № 4. - С.50-53.

7. Проблемы обеспечения транспортной безопасности в Кыргызской Республике [Текст] / К.К. Атабеков, А.Ж. Жээналиева // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына: Спец. вып. ISBN 9967-21533x. – Бишкек. - 2011. – С.563-565.

8. Особенности гуманизации наказаний за преступления в сфере транспорта [Текст] / К.К. Атабеков // Известия ВУЗов. - Бишкек. 2011. – № 1. – С.198-200.

Структура и объем диссертации определены целью и задачами исследования. Она состоит из введения, трех глав, содержащих шесть разделов, заключения и библиографического списка использованных нормативных источников и литературы.

Глава 1. Понятие и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности

§ 1. Понятие, предмет и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности

Стремление человека проникнуть мысленным взором в будущее постоянно развивалось, но развивалось оно до определенного этапа главным образом либо в плане религиозных учений, либо в виде утопических представлений. В наши дни прогнозирование стало основной функцией науки и без него любая наука ограничивает как свои теоретико-познавательные, конструктивно преобразующие способности, так и возможности в своих практических рекомендациях [1, с.3]. Наука только тогда может быть плодотворной, когда в ней в полной мере раскрывается её прогностическая функция.

Свойство мозга отражать действительность, опережая события, в научной литературе определяется, как предвидение. На этот факт влияет появление какого-либо события или процесса, но точное время проявления предвидения не определено. В связи с этим для более точного предсказания событий и процессов существует термин – прогноз. Прогноз - это научно-подкрепленное видение вероятных векторов о событиях объекта в будущем и об альтернативных путях их осуществления [2, с.7].

Роль предвидения как инструмента познания объективно возрастает в современном мире, когда преобразующая деятельность человека достигла таких масштабов и интенсивности, что грозит выйти из-под контроля. Прогностическая экспертиза играет ключевую роль в принятии каждого социального решения и может создать затруднения, что повлечет за собой неоправданные материальные, людские и временные потери. [7, с.34].

В широком смысле слова понятие прогноза разграничивается и как деятельность, и как процесс, и как результат и как основной элемент любой отрасли социально-правового регулирования.

Период 60-70-х гг. прошлого века ознаменовался научными исследованиями в области прогнозирования [2,3,4,5,6], а затем и созданием отечественной прогностики как отрасли прогнозного знания [2, с.7]. В данное время широко распространены прогностические идеи в правовых науках, в частности, в уголовном праве и криминологии. Такие ученые криминологи как В.Н. Кудрявцев, В.В. Панкратов, Р.А. Сафаров, Н.Ф. Кузнецова, Н.Н. Кондрашков, Г.А. Аванесов, С.В. Бородин, А.Б. Венгеров, С.Е. Вицин, О.А. Гаврилов, А.М. Шахов, М.Д. Шаргородский проявили особую заинтересованность в создании теоретических основ криминологического прогнозирования. «Прогноз в масштабе страны – инструмент стратегии, уголовной политики государства», - утверждал проф. Г.А. Аванесов.

Прогнозирование, - пишет Г.А. Аванесов, - это своеобразный инструмент, с помощью которого можно составить оптимальный и эффективный перспективный план, направленный на то, чтобы система мер борьбы с преступностью (цели, средства, методы и т.д.) и её внутренняя координация соответствовали интересам и потребностям не только настоящего, но и будущего [8,с.4]. Далее он отмечает, что – «Это процесс научного предсказания будущего состояния прогнозируемого объекта на основе анализа его прошлого и настоящего, систематическое получение научно обоснованной информации относительно перспективного периода. Преступность оказывает определенное влияние на право в целом и на отдельные его отрасли – уголовные, уголовно-исполнительные, уголовно - политические и т.д. В связи с этим, основная задача футурологических исследований, проводимых с целью разработки прогнозов борьбы с преступностью, заключается в выявлении возможных условий эффективности правового регулирования, результативности общественного действия права. Следовательно, прогностика должна исследовать пути,

изучать и предсказывать средства и методы, позволяющие предвидеть общественные последствия, которые может вызвать реализация тех или иных организационно-правовых актов» [9, с.200-201].

Практическая ценность прогнозирования состоит в том, что оно готовит научную базу для принятия решений и разработки конкретных мер, ориентированных на обеспечение рациональной деятельности государственных органов по борьбе с преступностью [8,с.20].

Ученые-криминологи Г.М. Миньковский, А.Э. Жалинский создали теоретическую и практическую базу для квалифицированных криминологических прогнозов [10,11]. Параллельно научным исследованиям в области криминологической прогностики аналогичная работа велась в уголовном праве.

Впервые идею о создании уголовно-правовой прогностики высказал М.П. Клейменов. В 1991 г. им были осуществлены научные исследования, которые определили возможности и задачи прогнозирования в уголовном праве.

По мнению М.П. Клейменова: «Уголовное право лишено возможности претендовать на статус «законченной науки», не уделяя внимания разработке и воплощению своей прогностической функции. Проблемы уголовного права, в таком случае, как бы повисают в воздухе: они утрачивают как историческую почву, так и перспективу» [12,с.7].

Уголовно-правовое прогнозирование ставит своей целью не только расширение спектра применения уголовного законодательства, но и возможность для его дальнейшего улучшения. Оно позволяет детально рассмотреть возможности дальнейшей эволюции, как уголовного законодательства, так и преступности. Помогает точнее определить вероятные секторы для противостояния противозаконным и антиобщественным проявлениям.

Изучение научной литературы приводит к выводу, что задачей криминологического прогнозирования является определение возможных

количественных и качественных изменений преступности. В отличие от уголовно-правового прогнозирования криминологическое прогнозирование заключается в прогнозировании преступности с учетом всех ее факторов; прогноза качественного улучшения системной борьбы профильных органов с преступностью; расчета перспективных итогов этой деятельности; прогнозирования возможного потенциала развития подобных исследований. [8; 13,с.76-81; 14, с.36-89].

Два этих вида прогнозирования тесно связаны друг с другом. При организации криминологического прогнозирования важно знать позицию законодательных органов относительно того, какие деяния могут быть признаны в будущем преступлениями и какие, напротив, могут быть признаны непроступными. В свою очередь, для законодательных органов представляют значительный интерес данные криминологического прогноза. Исходя из этого можно сделать выводы, что уголовное законодательство должно своевременно усовершенствоваться. Если прогноз развития уголовного законодательства является основой успешного криминологического прогнозирования, то прогноз преступности – это важнейшая информация, без которой не обойтись законодательным органам при определении перспектив развития законодательства.

Собственно говоря, даже тогда, когда используются термины «криминологическое», «уголовно-правовое» или иное видовое прогнозирование речь всегда идет о комплексном прогнозировании в сфере борьбы с преступностью, т.к. в любом случае прогнозируется во взаимосвязи обширный круг социально-правовых явлений. Это и направления развития преступности, и тенденции борьбы с ней; возможности уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического воздействия на нее; и, наконец, это результативность предупредительной и репрессивной практики. А оценка последней, как известно, компетенция уголовной политики и уголовно-политического прогнозирования. Таким образом, как справедливо считал Г.М. Миньковский, речь идет фактически о комплексном прогнозе борьбы с

преступностью включающем в свою предметную сферу основные элементы криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического прогнозирования [10,с.14]

А.И. Коробеев, также высказал свое мнение по поэтому поводу: «Подчеркиваю комплексность и взаимосвязь криминологического и уголовно-правового прогнозирования, указываю, что результаты криминологического прогнозирования, нацеленного на получение сведений о будущем состоянии преступности, одновременно представляют возможность для разработки соответствующих корректив в уголовном законодательстве» [15, с.97]. М.П. Клейменов в своих рассуждениях идет еще дальше, утверждая: «Слитность криминологического и уголовно-правового прогнозирования заложена генетически, поскольку уголовно-правовые нормы есть законодательная реакция общества на опасные социальные отклонения» [12, с.29].

Остановимся на взаимосвязи, наблюдающейся между уголовно-правовой футурологией и криминалистическим прогнозированием. Можно сказать, что, если уголовно-правовое и криминологическое прогнозирование отвечает стратегическим задачам борьбы с преступностью, тогда как криминалистическое – тактическим [16, с.9].

Между указанными видами юридического прогнозирования, существуют ряд связей, как простых, так и более сложных, зависящих от развития общественных отношений. Из вышесказанного становится ясным, что «чистого» отраслевого прогнозирования не бывает. Все виды социально-правового прогнозирования перекликаются, в зависимости и в соотношении друг к другу. Данный факт не отрицают практически все юристы, исследующие проблемы прогностики. Они подчеркивают, что это взаимодействие отчетливо просматривается в реальной обстановке: при изучении конкретных объектов предвидения [12, с.35], в частности, при квалификации преступлений [17], в деятельности следователя [18] и суда [19].

Как справедливо заметил Ю.К. Якимович: «Многие тенденции правореализации могут быть выявлены, а установленные правильно объяснены и экстраполированы в будущее только в случае согласования результатов предвидения в рассматриваемых областях юридического прогнозирования» [20, с.39-40].

Согласимся, что «анализ состояния преступности свидетельствует о том, что сфера противодействия ей в стране нуждается в новых приемах и методах разработки эффективных решений социально-правовых проблем, в том числе и с помощью их прогнозирования. Опережение возможного развития ситуации в противодействии преступности позволяет наиболее точно определять цели и задачи этой борьбы, их соотношение и приоритеты, устанавливать необходимые и интенсивные превентивные меры уголовно-правового воздействия. Такой опережающий анализ развития криминологической обстановки всегда имеет форму прогноза, то есть вероятного суждения о тенденциях, темпах, количественных и качественных характеристиках этого развития, исходя из связей прошлого, настоящего и будущего» [21, с.179]. Меры по борьбе с преступностью всегда должны носить упреждающий характер. И эти меры должны быть максимально эффективными, следовательно, научно обоснованными, прежде всего с прогностической точки зрения.

Исходя из вышеприведенных определений понятие уголовно-правового прогнозирования в сфере противодействия преступности можно представить как разновидность научного предвидения, необходимое средство уголовно-правовой политики, осуществляемую на систематической основе деятельность, направленную на определение перспектив уголовно-правовой практики противодействия преступности.

По мнению Клейменова М.П.: «Предмет уголовно-правового прогнозирования в рамках уголовно-правовой футурологии сводится к прогнозу перспектив развития явлений, изучаемых наукой уголовного права:

- а) нормотворческой и правоприменительной деятельности;

б) уголовному закону, его социальной обусловленности и эффективности;

в) проблемам совершенствования уголовного законодательства, практики его применения;

г) уголовно-правовой концепции и доктрины, в том числе и различных правовых систем и государств» [12, с.15-17].

По нашему мнению, к предмету уголовно-правового прогнозирования в сфере противодействия преступности следует отнести:

а) предвидение потребностей общества в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, связанных с преступностью;

б) предвидение развития уголовного законодательства;

в) предвидение последствий изменений антикриминального законодательства: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные, пенитенциарные, экономические, социально-демографические, социокультурные, социально-психологические последствия;

г) предвидение эффективности уголовно-правовых норм в контексте реализации практической уголовной политики в сфере противодействия преступности

В предмете уголовно-правового прогнозирования борьбы с преступностью особое место занимает предвидение правоприменительной деятельности органов государственной власти через призму правореализации и ее эффективности. Самое тяжелое в прогнозировании - это определить его деятельность.

Необходимо отметить, что любые серьезные управленческие решения в сфере противодействия преступности, в первую очередь нормотворческие, требуют достаточно длительного прогнозного анализа.

К сожалению, советы специалистов по данному направлению рискуют не получить должного отклика у руководителей профильных ведомств по

причине их незаинтересованности, старомодности мышления и иным причинам.

Прогноз реализации права, правоприменительной деятельности, уголовной политики базируется на анализе существующего законодательства, на опыте его использования, а также на принципах политики государства в деле противоборства преступности. В совокупности это подразумевает выведение прогнозирования на уровень иного, более высокого качества. Учитывается исследование новых норм права, их взаимосвязь с действующими нормами, чтобы установить перспективу применения законов. Обозначаются «мертвые» правовые нормы, определяется возможность применения законов не в теории, а на практике [22, с.12].

Уголовное законодательство, как и любое другое законодательство, характеризуется не только устойчивостью, но и изменчивостью, т.к. с развитием общества, общественных явлений оно изменяется, вернее, изменяется круг деяний, которые считаются преступлениями [23, с.63]. На разных этапах развития общества уголовное законодательство подвергается существенным воздействиям, исходящим из социальной, политической, экономической жизни общества. Поэтому проблема законодательного прогнозирования должна решаться на основе использования устоявшихся и новейших прогностических методик, которые и обеспечат внутреннюю взаимосвязь законодательного прогнозирования в системе комплексного предвидения борьбы с преступностью. Например, выявление, а затем и познание при прогнозном исследовании эффективности действия существующих активно применяющихся, фактически не действующих, зарождающихся уголовно-правовых норм представляет наибольшую сложность, но и необходимость в процессе прогнозирования.

Основным компонентом уголовно-правового предвидения, как предмета, является прогнозирование сложностей исходящих из регулирования законов, направленных на противостояние преступности, в том числе предвидение эволюции уголовного закона, его факторов, составляющих и принципов.

Прогнозирование дополнений и улучшений законов, системное отслеживание всей этой цепи во всех ее масштабах, предусматривают исследование и применение всего потенциала существующего законодательства в обозначенных сложных ситуациях, обучение применяющего право подобному его использованию. Анализ улучшений и изменений в закон должен основываться на наличии, как минимум, трех факторов: 1) когда обозначена общественная необходимость в этих улучшениях (к примеру, при обнаружении сложностей в противодействии новых видов опасных действий); 2) когда эксперты дали оценку решению выявленной ситуации на основе права (чрезмерные правовые ограничения или безосновательный отказ от них ставит под угрозу принципы противоборства преступности, порождая отрицание права в обществе); 3) когда выявлена, что в границах существующего права решение сложившейся ситуации невозможно.

Если говорить о предположении направлений совершенствования уголовного законодательства, то в этой ситуации прогноз напрямую связан реализацией задач уголовного права [24], с логическими и лингвистическими особенностями и четко обозначенными объектами: исследованием языка уголовного закона, принципами формирования статей, их логической взаимосвязи и т.д. Таким образом предвидение поможет исключить возможность ошибочных определений в описаниях составов преступлений, наиболее точно обозначить санкции и построить логику их связи между собой, исключить казусы и их дублирование.

Еще одним предметом исследования является предвидение результатов криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, иначе говоря, итогового воздействия на преступность в условиях реализации уголовного права [25, с.26].

В своем труде «Криминология» Н.А. Стручков, акцентируется на том, что при анализе социальных аспектов особое значение следует уделять предвидению явлений, создающих нарушения, заложенные в

законодательных нормах, которые, особым образом отражают теорию и методологию криминологического прогнозирования.

Иначе говоря, структура последствий предвидения состоит из целого ряда связанных между собой факторов, где каждый из них является самостоятельной частью общего понятия данного предмета: а) Ожидаемые изменения в процессе развития, устройстве, общественных рисков преступности и преступления; уровень скрытности данных посягательств при ужесточении уголовной ответственности, либо ее введения; б) уголовно-правовые последствия прогнозов – показатели судимости и их изменения; улучшение, или ухудшение профилактической роли уголовного закона ; в) пенитенциарные последствия – которые напрямую влияют на процент осужденных, их трудовой и прочей занятости, изменение социального поведения преступника; изменения направленности социальной профилактики преступлений; г) уголовно-политические последствия прогнозирования – прогнозируемые последствия, происходящие в сфере борьбы с преступностью; оценка эффективности противодействия преступности и прочее. Кроме озвученных выше факторов, некоторые ученые обозначают и иные последствия. Например, М.П. Клейменов, относит к перечню политические, экономические, социально-демографические, социокультурные, социально-психологические и прочие последствия [12, с.8-12].

В свете сказанного становится понятным все большее усиление внимания к известным криминологическому и уголовно-правовому прогнозированию с точки зрения расширения их предметных границ. Именно такой подход помогает определять не только перспективные направления развития законодательной и правоприменительной деятельности, но и их концепцию, приоритеты, стратегию организации борьбы с преступностью, а также учитывать общие и региональные тенденции социально-правовых явлений, с которыми она проводится.

Понимание современной преступности - это прежде всего процесс разработки уголовно-правовой концепции борьбы с преступностью и, как нам представляется, изменение отношений и подходы к криминогенным детерминантам. Даже при беглом анализе существующих в криминологической науке подходов к изучению причинности и детерминации преступности видно, что основной упор делается на исследование негативных факторов воздействующих на личность преступника, а также характеристик причинно связанных с преступлением и совсем упускаются из вида факторы положительные. Воздействие на эти факторы, влияющие позитивно не только на криминогенные процессы, но и на широкий спектр социально-правовых явлений, на наш взгляд, не менее значимо в деле борьбы с преступностью, если не сказать больше. [9, с. 28]

В свете изложенного можно констатировать, что, по-видимому, в прогнозировании не достаточно анализировать и оценивать только состояние социально-правовых явлений по некоторой выделенной системе количественно-качественных показателей, соотнесенных в определенной подсистемной структуре. Здесь необходимо охватывать прогнозом в комплексе внешние и внутренние, вертикальные и горизонтальные, а также промежуточные между связи этих явлений, и, прежде всего их воздействие друг на друга, а главное – на личные и общественные интересы, блага, в целом общественные отношения.

Иными словами, в ходе комплексного прогнозирования следует решительно выходить за рамки исследования, в том числе и исследования причинных связей, так как на эффективность борьбы с преступностью интенсивное детерминирующее воздействие оказывают процессы и связи, не укладывающиеся в рамки причинных, тем более криминогенных причинных связей.

Включение в предметную область комплексного прогнозирования концепции борьбы с преступностью с теми замечаниями, на которые мы обратили внимание выше, требуют учитывать, по меньшей мере, три

основных момента: иерархический, динамический и интегративно-целостный.

Особенность комплексного подхода в данном случае заключается в том, что три вышеназванных момента должны отражаться в концепции будущего одновременно. В конечном итоге такая концепция будет содержать характеристику глубоких связей общественных отношений складывающихся в сфере борьбы с преступностью с реально существующими производственно-экономическими отношениями, а также социально-правовыми, политическими, демографическими и иными факторами и процессами.

Именно такой подход к концепции борьбы с преступностью позволяет включить в предмет уголовно-правовой футурологии и некоторые другие, не менее важные и необходимые элементы перспективного характера. Таким элементом, в материальном смысле слова, является предвидение. В его основе лежит оценка социально-правовых явлений и преступного в частности как своеобразной регулирующей функции общества, чье содержание и механизм действия для юридической науки и практики еще не совсем ясны, но в рамках рассматриваемого нами подхода к предмету прогностики уже достаточно отчетливо просматриваются.

Названный элемент взаимодействия общества и преступного, как отмечают ученые, полезен для анализа «поведения» государств переходного периода и их правящих элит.

В такие моменты жизни общества зачастую коренным образом меняются социально-правовые, морально-нравственные, уголовно-политические и иные ценностные ориентиры. Культура и ментальность народов перемешивается с субкультурными «издержками» различных социально-психологических групп (слэнг, жаргон, интересы, блага и т.д.). В новом порядке экономических отношений используются криминальные и суррогатные элементы. Государственное строительство, власть, политическая элита и организованная преступность тесно соприкасаются

при выполнении ими определенных социальных функций и порой представляют собой «профиль» друг друга. Одновременно декларирование борьбы с преступностью дополняется явными и скрытыми отношениями противоположной направленности. То, что традиционно считалось асоциальным, преступным, отклонением от нормы, перестает считаться таковым, и наоборот. Способ организации, управления и принятия решений в сфере уголовной политики приобретают оттенок конформизма и т.д. [9, с. 61-63]

Таким образом, данная часть предметной области прогнозирования в настоящее время является наиболее актуальной, а постановка и решение проблемы взаимодействия общества и преступности в переходный период становится все более существенным фактором государственной деятельности в сфере противодействия преступности. Последнее обстоятельство связано с рядом объективных и субъективных причин, таких как:

1. необходимое усиленное внимание органов власти и граждан к проблеме роста преступности; при переходе общества от одного состояния к другому неизбежен рост преступности, а, следовательно, усиление внимания граждан и органов власти к этой проблеме.

2. с переходом на новый этап в обществе происходят существенные изменения, как в количественном, так и в качественном состоянии преступности [26, с.5].

Очевидно, что «прогнозирование совершенствования так называемого материального уголовного права предполагает знание перспектив развития соответствующего процессуального права. В частности, научное предвидение в сфере уголовного процесса способно представить нужную прогностическую информацию для уголовного, уголовно-исполнительного права и в целом уголовной политики, т.к. их объединяет единая задача обеспечение эффективности противодействия преступности». [9, с. 37]

Согласимся, что «виды прогнозирования способны в полной мере воплотиться в реальный комплексный прогноз при условии параллельного

научного предвидения уголовно – процессуальных отношений, связанных, в первую очередь, с формализацией деятельности соответствующих правоохранительных органов, что напрямую соотносится с организацией и управлением борьбы с преступностью, являющейся важной частью комплексного прогнозирования. Сферой их общего интереса выступают также правоотношения, связанные с процессуальным нормотворчеством и правоприменительной деятельностью органов дознания, следствия, прокуратуры, суда и адвокатуры по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений и нейтрализацией их». [27, с. 13].

Соответствующими учеными отмечается, что «предмет уголовно - процессуального прогнозирования, исходя из содержания уголовно – процессуального права, можно обозначить как предвидение изменения норм этой отрасли права, тенденций процессуальной деятельности правоприменительных органов, закономерностей развития уголовно-процессуальных отношений, возникающих между их субъектами и участниками. Исходя из вышеизложенного можно выделить несколько стадий их взаимодействия:

- 1) при разработке концепций и приоритетов борьбы с преступностью;
- 2) при прогнозировании уголовно-правовых норм и институтов анализируется и изучается их процессуальное обеспечение. Недопустим разрыв материальной уголовно-правовой нормы и обеспечивающей ее уголовно-процессуальной нормы;
- 3) векторы комплексных прогнозов борьбы с преступностью и уголовно-процессуального предвидения сходятся в плоскости юридической практики борьбы с преступностью» [27, с.6, 28].

Криминологический прогноз позволяет определить тенденции в структуре и динамике преступности, некоторых видов преступлений, что позволяет наметить главным образом стратегические направления борьбы с преступностью.

Справедливо отмечено, что «прогностические исследования в юриспруденции связаны, как с правовыми вопросами, так и с социально-правовым прогнозированием, о чем и говорится в основных аспектах комплексного прогнозирования борьбы с преступностью:

1) Предвидение тех будущих изменений в жизни общества, которые потребуют изменения правовой надстройки;

2) Предвидение развития самой правовой надстройки как определенной саморазвивающейся системы;

3) Предвидение социальных результатов принятия новых законов, то есть оценка их предполагаемой эффективности» [29, с.24-27].

Также правильно отмечено, что «преступления находятся в тесной взаимосвязи с правом вообще, а также с отдельными его аспектами – такими, как уголовно-политическое, исполнительное и другие. Таким образом, главной целью футурологических изысканий, которые проводятся для развития общих способов снижения количества преступлений, следует полагать такие методы, которые позволят лучше регулировать право и достигать лучших результатов в интересах общества. Отсюда, целью прогностики следует полагать развитие и планирование таких методов, которые окажутся способны спланировать влияние на общество разнообразных законов и законодательных актов» [9, с.200-201].

Согласимся, что «важнейшим элементом в плане повышения результативности уголовно-правовой практики является понимание ее последствий, то есть такие движения в обществе, которые она способна вызвать при разных условиях. Как в теоретическом, так и в практическом плане критически важным является понимание того, как будут реформироваться законы, входящие в Уголовный кодекс, и результаты такого реформирования. Такое понимание, описанное выше, представлялось вполне очевидным, ранним исследователям, таким как Карл Маркс. Он утверждал, что прогнозирование в области права является совершенно необходимым и должно сопровождаться исследовательской работой, направленной на

развитие идеи о преступности как о явлении, порожденном социумом» [7, с. 78].

М.П. Клейменов полагает: «что уголовно-правовое прогнозирование всегда криминологи-правовое и слитность этих видов прогнозирования обусловлена тем, что уголовно-правовые нормы есть реакция общества на опасные социальные отклонения, поэтому предвидение изменений в их развитии влечет за собой составление прогноза о внесении целесообразных правовых коррективов» [12, с.18].

Такая формулировка, как «уголовно-правовая», с точки зрения автора, разумно выделяет важнейшую роль уголовного права, а также связанную с ней отрасль, направленную на развитие планирования последствий правовой политики, поскольку в той или иной степени все аспекты права относятся к ней и могут быть определены как ее составные части.

Таким образом, под уголовно-правовой футурологией следует понимать часть науки, занимающейся пониманием возможных последствий определенных действий, в контексте уменьшения количества преступлений, которая являет собой всеобъемлющее развитие предупреждения преступлений и наказания виновных (отдельных лиц, преступных сообществ), исследование особых областей права, в частности уголовного и уголовно-исполнительного, истоков права, а также исследование системы назначения и исполнения наказаний. Отсюда следует, что по сути в общую систему предсказания и прогнозирования преступлений вносятся определенные аспекты как теоретического, так и практического характера, в частности: определение и прогнозирование совершенно определенных событий и взаимосвязей в области совершаемых преступлений, могущих произойти. Причем следует учитывать все связанные с ними аспекты; прогнозирование рождения и эволюции уголовно-правовых отношений, потребность в управлении ими путем применения определенных параграфов уголовного законодательства, а следовательно, предсказание и планирование улучшений (эволюции) уголовного, уголовно-исполнительного

законодательства с предсказанием событий, которые данные улучшения способны повлечь за собой, в частности последствий применения наказаний и их отмены, а также реализации определенных прав; поиск методов снижения количества преступлений на разных уровнях: стратегическом, тактическом и практическом.

Последствия планирования и предсказания, помимо уже названных выше, включают также иные примеры, называемые несколькими исследователями. В частности, М.П. Клейменов, рассуждая о событиях, которые планирование способны повлечь за собой, вполне обоснованно называет возможные последствия в таких областях, как политика, экономика, социология и демография, культура, психология и др. [12, с.10]. Данный список вполне может содержать также события в следующих областях: медицина, психология, психотерапия, педагогика и другие, для решения которых, опять-таки, необходимы специфические и в то же время включающие в себя информацию из прочих дисциплин, решения.

Планирование в области исполнения наказания представляет собой логический шаг после уголовно-правового (и криминологического) планирования, имея в виду двойственную сущность права в области уголовных преступлений и последующих наказаний, и представляет собой планирование и понимание:

- а) практической полезности уже применяющихся методов наказания, а также реального положения дел в контексте их реализации;
- б) событий, которые проступок может повлечь в контексте права, и особенностей наказуемого;
- в) преступлений, совершенных впервые, и преступлений, совершенных повторно;
- г) будущего управления правом реализации мер против преступника и других действий в контексте защиты законности [30, с.384; 31, с.31-33].

Уголовно-политическое планирование завершает взаимосвязь всеобъемлющего планирования мер, направленных против криминализации.

Учитывая, что упомянутый вид планирования напрямую порожден социумом, он лучше прочих может соединять вместе уже приведенные выше частные результаты планирования, из чего следует, что в уголовно-правовой футурологии он играет роль дублирующего механизма, состоящего, в частности, из:

а) планирования будущего теории уголовной политики и ее концепт [35, с. 59-68; 36, с. 10-27];

б) планирования управления и планирования борьбы с преступлениями [34, с.100-104];

в) планирования контроля над преступлениями с помощью выделения эффективных мер, предпринимаемых государством в отношении планирования и практического осуществления мер, направленных против преступников с помощью применения средств из области права и не только [35, с.15; 36, с.6-7];

г) планирование применения права напрямую.

Следует подчеркнуть, что суть всеобъемлющего планирования в области борьбы с преступлениями вместе с названными аспектами планирования включает в себя также и конкретное планирование. В противоположность социальному планированию конкретное планирование, иными словами, основанное на объективных исследованиях понимание возможной ситуации, образа действия конкретного индивида, на данный момент еще не разработано на теоретическом уровне в степени, позволяющей его применение, в то время как практически совершаются, только начальные испытания. Понимание конкретного возможного действия не является чем-то особенным. [9, с. 12-28]

Мы полагаем, принципиально, что негативное влияние на исследовательский процесс оказывает достаточно понятное восприятие крайней сложности научно обоснованного планирования образа действия индивида, находящегося в зависимости от многочисленных взаимозависимых, разноточностных и обладающих разными функциями, в

контексте создания конкретных ситуаций и особенностей индивида, в данный момент еще недостаточно исследованы, неясна дефиниция характера и меры их взаимозависимости с образом действия преступника. Ситуация становилась все более серьезной в силу того, что способы планирования конкретных действий, главным образом, упоминались во взаимосвязи с необходимостью вхождения в психологический образ его установления и управления. Тем не менее, неясность понимания его в психологической науке и прочих социальных науках и не увенчавшиеся успехом испытания, созданные на его основе способы планирования не слишком радовали специалистов по криминологии. Совсем напротив, в особенности в силу подозрений, не ассоциируется ли ожидание с подтверждением «опасного состояния» индивидуума. До этого времени, соответствующий опыт с советских времен подтверждает, что склонность к противозаконным действиям определяется и становится видимой стохастически (случайно), однако, в то же время зависит от некоторой установки, а потому стохастически может быть предвидено. Данная заслуга приписывается В.Н. Кудрявцеву. Он определил некоторые слои реализации возможности незаконных действий, включая существование ее в ряде отношений между информационными течениями и заключением, определяемым «вероятностным механизмом» человеческого сознания, чувствующего некоторую взаимосвязь, направление, системность данных от внешних источников и применения их для планирования. [9, с. 44-46]

Будучи отражением реальной многогранности образа действий индивидуума, состоящую в отношениях с различными конкретными и абстрактными ситуациями, понимание данного образа действий, в свою очередь, никак не является четко определенным. Оно обладает определенной исключительностью в случае конкретной комбинации обстоятельств, существующих в конкретный период времени. Реальное положение дел говорит, что после окончания конкретного временного периода, рискуют подвергнуться трансформации количественные параметры результата

прогноза, имеющие влияние увеличение и уменьшение степени его устойчивости вероятности его реализации, а также фактическое решение по планируемому поведению. О методологических аспектах индивидуального прогнозирования преступного поведения более подробно мы остановимся в следующем разделе диссертационного исследования.

Давая характеристику комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности, следует остановиться на ее субъектах.

К числу субъектов уголовно-правовой футурологии относятся: органы государственной власти, ведущие борьбу с преступностью (суды, прокуратура, органы внутренних дел и др.); научно-исследовательские учреждения этих органов, непосредственно занимающиеся изучением проблем преступности и борьбы с ней; проблемные лаборатории высших учебных заведений, юридических факультетов, в том числе кафедр уголовно-правовой специализации.

Они несут ответственность за разработанные и представленные комплексные прогнозы, они пользуются в этом отношении определенными правами, имеют обязанности, в связи с чем ими могут заключать хозяйственные договоры на тот или иной вид прогноза, в т.ч. и целостный – комплексный. Эти прогнозы представляются от имени конкретного органа, т.е. юридического лица.

В настоящее время наметилась тенденция составления прогнозов уголовно-футурологического характера отдельными авторами, что обусловлено актуальностью данного направления научных исследований. Однако, как показывает практика, достоверность и качество подобных прогнозов оставляют желать лучшего. Представляется, что в силу объективных причин в нашей стране основную прогностическую деятельность должны проводить органы внутренних дел, в которых необходимо сформировать прогнозные подразделения со штатными футурологами. Там же должна сосредотачиваться вся необходимая информация для действенного комплексного прогнозирования борьбы с

преступностью и сами прогнозы, а также прогнозные технологии. Теория, в свою очередь, будет обязана вырабатывать для этих структур общие критерии прогнозирования и совершенствовать ее методики, исходя из общих прогностических задач. Органы внутренних дел одновременно должны выступать и основными заказчиками соответствующих прогнозов, прогностических концепций, приоритетов борьбы с преступностью и т.д.

Если классифицировать прогнозы по срокам на долгосрочные (5-10 лет), среднесрочные (до 5 лет) и краткосрочные (до 1 года), то можно увидеть связь, которая существует между дальностью прогнозов, конкретными целями, ради которых они разрабатываются, и тем, как они практически используются.

Долгосрочные прогнозы, естественно, имеют более общий характер, и целью их является определение стратегии борьбы с преступностью. Для организации повседневной работы по борьбе с преступностью для разработки оптимальных практических мер воздействия на преступность необходимы тактические основы, которые могут дать средне- и краткосрочные прогнозы. Следовательно долгосрочные прогнозы должны разрабатываться не менее чем в масштабах страны и использоваться для разработки перспективных планов, определения основных направлений в борьбе с преступностью на длительный период. Прогнозы на средние и краткие сроки целесообразно разрабатывать для автономной республики, края, области. Такие прогнозы используются для разработки текущих планов, отыскания необходимого комплекса целенаправленных мер борьбы с преступностью. И, наконец краткосрочные прогнозы необходимы прежде всего для организации работы непосредственно в городе, районе.

Форма комплексных прогнозов борьбы с преступностью может быть разнообразной, но желательно, чтобы ее можно было «демонтировать» и «трансформировать», в силу внесения возможных корректив в разработанные прогнозы.

Важным направлением в предметной области любого вида социально-правовой прогностики является исследование перспектив развития той или иной отраслевой науки. Поэтому, вполне логично, что в структуру уголовно-правовой футурологии входит прогноз перспектив развития криминологии, уголовного, уголовно-исполнительного права и уголовной политики.

Проведение подобных исследований в рамках одной науки, комплексно, было бы, безусловно, желательным. К примеру, в рамках науки уголовного права, из оснований которой берут свое начало перечисленные выше отраслевые направления. Однако, не стоит отказываться и от специальной теории, или же отдельных учебных дисциплин таких, как «Уголовно-правовая футурология»

Любой прогноз базируется на информации о состоянии объекта - его прошлом, настоящем и возможном развитии. Чтобы исключить ошибки при анализе исследуемого феномена, необходимо учитывать ряд внешних и внутренних факторов. Также стоит принять к сведению, неравнозначность факторов, с которой они воздействуют на предмет исследования. Анализ также должен производиться при учете ряда факторов, которые могут отличаться от данных официальной статистики. Следует обращать особое внимание на оценки экспертов

Выводы:

1. Актуальность разработки проблемы комплексного прогнозирования обусловлена возрастанием значения прогнозного мышления и повышения в современных условиях значимости требований по принятию решений в сфере борьбы с преступностью, таких как компетентность, научность и своевременность. Масштабность проблем с преступностью, динамизм обстановки, многообразие процессов, связанных с воспроизводством данного явления, определяют необходимость опережающего анализа в развитии ситуации.

Эта разновидность научного предвидения приобретает особую важность так, как реализация необдуманной уголовной политики и ее последствия

велики, ведь необоснованные уголовно-политические решения калечат судьбы людей, даже поколений людей и примеров этому немало в истории. Прогнозирование эффекта новых уголовно-политических решений, например, криминализации или декриминализации, позволяет в определенной степени избежать таких последствий.

2. Комплексное прогнозирование есть разновидность научного предвидения, основанного на синергизме криминологического и уголовно-правового прогноза, представляющей собой осуществляемую на систематической основе деятельность, направленную на определение перспектив уголовной политики и будущего состояния преступности.

Отмечая слова Г.А. Аванесова: «Процесс комплексного прогнозирования, начиная от первичных прогностических действий и кончая внесением в прогнозы «последнего» необходимого уточнения, является своеобразным циклом научного познания, а абсолютная точность в любом познании практически неосуществима» [8,с.7].

3. Комплексное прогнозирование в сфере противодействия преступности в современных условиях должно обеспечить повышение наукоемкости проводимых крупномасштабных мероприятий в указанной сфере, обосновывать их исполнимость, реальное осуществление на основе строжайшего соблюдения законности. При этом могут использоваться две разновидности прогноза – углубленный и облегченный. Углубленный прогноз дается научными учреждениями, проводящими в этих целях специальные криминологические исследования. На сегодняшний день такого рода исследования ни одним Вузом или научно-исследовательским центром в республике не проводятся. Облегченный прогноз осуществляют в той или иной степени любые аналитические структуры правоохранительных органов, но это, как правило, рефлексивный тип прогнозирования.

Анализ принятых за последние десятилетия управленческих решений в сфере противодействия преступности на нормативном, программном уровнях приводит к выводу о нередких случаях своеволия, волюнтаризме, принятии

случайных решений, работающих на сиюминутные, ведомственные интересы органов, противодействующих преступности, отдельных руководящих должностных лиц – субъектов правотворчества.

§ 2. Методологические аспекты уголовно-правового и криминологического прогнозирования

Современная наука обладает огромным арсеналом средств предвидения. Составление научно обоснованного прогноза всецело зависит от того, какой метод, а точнее система методов лежит в основе прогностического исследования. Обратимся к этимологии понятия метод. ««Methodos» по-гречески - это буквально путь к чему-либо, исследование. В общепринятой юридической терминологии, метод прогнозирования - это способ исследования его объекта, направленный на разработку прогнозов» [37, с.393]. По различным оценкам, к настоящему времени сформировалось более 150 методов прогнозирования, как носящих общий характер, так и применяемых в узких областях знания. Основной вопрос состоит в том, чтобы определить возможную область использования каждого метода и выбрать наиболее эффективный в каждом конкретном случае.

Уголовно-правовое прогнозирование предполагает использовать как общие (общенаучные) и конкретные (частнонаучные), так и специальные методы.

В общие методы входит все, чем располагает в настоящее время логика научного исследования: переход от теории к практике, индукция и дедукция, структурированный системный анализ, методы, основанные на истории и логике, обобщение, гипотеза, эксперимент, аналогия и прочее.

К частным методам можно отнести: опросы, статистический и аналитический анализы, изучение документов, наблюдение и др.;

Специальные методы включают в себя: оценки экспертов, моделирование и экстраполяцию.

Однако, стоит помнить об условности подобной классификации, поскольку, при анализе методы могут совмещаться и дополнять друг друга и т.д. [9, с. 56]

На практике почти все методы применяются в совокупности, образуя методику прогнозирования.

Каждый из этих методов достаточно подробно описан в литературе, поэтому останавливаться на их рассмотрении нет необходимости. Однако прогностическое применение этих методов следует выделить отдельно.

В частности, наблюдение – неотъемлемый элемент любой прогностической деятельности, в том числе и в уголовном праве. Трансформируясь в процессе уголовно-правового прогнозирования, этот метод выполняет, по существу, важную роль. В таком случае можно выделить два метода наблюдения: простой и квалифицированный. Простой метод отличается от квалифицированного тем, что в первом случае наблюдение производится визуально, а во втором – с использованием технических средств. В качестве таковых могут выступать наблюдения, произведенные с использованием вычислительной техники.

Описание событий и фактов может происходить различными способами: от простых до использования сложных технических средств. Однако во всех случаях информация должна отвечать объективной действительности.

Анализ и синтез также используются в уголовно-правовом прогнозировании как поисковые и исследовательские методы. По своему содержанию эти методы не адекватны, но существенно дополняют друг друга. Дедуктивный метод – метод познания от общего к частному – имеет явно прогностическую направленность. Отличительной чертой индуктивного метода, перед дедуктивным, является то, что он помогает при вскрытии внутренних связей элементов различных событий, фактов, предметов, установить причинные связи возникновения того или иного явления.

При необходимости наиболее точных математических прогнозных моделей эффективным средством является абстрагирование, как метод полезный тем, что помогает отсеять всю несущественную для прогнозирования информацию и тем самым позволяет достичь максимальной точности. Применение аналогии в прогнозировании вызвано тем, что она

обладает свойствами экстраполяции, которая, в свою очередь, является необходимым и универсальным методом для криминологического, уголовно-правового прогнозирования. Этот метод основан на простой повторяемости событий, процессов, явлений и фактов, а также практическом опыте.

Сравнение как метод необходим в процессе прогнозирования для контроля и координации прогнозов. Все прогнозы должны сравниваться с объективной действительностью, а их результаты должны подвергаться сравнению с результатами прогнозов аналогичных объектов, но достигнутых другим путем.

Моделирование получило широкое распространение как метод исследования в различных науках. В основе метода лежит возможность соответствия самих объектов и объекта познания.

Моделирование условно подразделяется по следующим процедурам:

- построение модели объекта;
- экспериментирование с моделью (в том числе мысленный эксперимент);
- перенесение в силу симметричности отношений между объектом и его моделью, выводов, полученных при эксперименте на объект.

В области уголовного права эксперимент все чаще выступает компонентом нормотворческого процесса. Эксперимент широко используется в уголовно-правовом прогнозировании для проверки подтверждения прогнозов. Такая, разработка действующего Уголовного кодекса была бы менее эффективной без всесторонней экспериментальной проверки новых уголовно-правовых норм, которые включались в предшествующее уголовное законодательство в качестве дополнений и изменений. Активное воздействие исследователя на объект, возможность вычленения действия причинного фактора и неоднократного воспроизведения экспериментальной ситуации, как считают ученые, делает эксперимент самым действенным методом конкретно - социологического исследования [38, с.267].

Среди социологических методов наиболее эффективными для уголовно-правового прогнозирования являются анкетирование и опрос. Они применяются для сбора информации о прогнозном фоне и объекте прогнозирования, а также об определении эффективности уголовно-правовых прогнозов.

Особое место в уголовно-правовой футурологии уделяется конкретно – социологическим методам, в реальных условиях места и времени.

Изучение документов или документальный метод. Это метод сбора первичных данных, при котором документы используются в качестве главного источника информации. В ходе комплексных прогнозных исследований в сфере борьбы с преступностью приходится изучать разнообразные документы, вследствие чего очень важно правильно их сгруппировать. Информативный документ для прогнозирования можно определить как письменный (устный) документ, который фиксирует идеальные объекты, имеющие теоретико-прикладное предсказательное значение. Их классификацию можно производить по различным основаниям: 1) по способу фиксирования информации; 2) по целевому назначению; 3) по степени персонификации; 4) в зависимости от статуса документального источника; 5) по источнику информации и др.[39, с.66-67]. Наиболее существенной, на наш взгляд, представляется классификация документов в зависимости от тех идеальных объектов, которые оформляются данным документом, объективизируются в нем, обретают определенную самостоятельность, независимость от его создателя и других субъектов. Последнее положение особенно принципиально для точности комплексного прогноза борьбы с преступностью.

При таком подходе данную классификацию составляют:

1. Нормативные документы. К ним относятся, конечно, все нормативно-правовые акты уголовно-правового и иного характера, которые содержат информацию, относящуюся к сфере борьбы с преступностью

(уголовный закон, указы и постановления об усилении того или иного направления борьбы с преступностью и т. д.).

2. Документы – решения индивидуального характера, имеющие властно - обязательный характер для субъектов, реализующих предписания по борьбе с преступностью, т. е. устанавливающие, изменяющие или прекращающие субъективные права и юридические обязанности (акты амнистии, помилования, решения, приговоры, постановления судов, процессуальные акты следствия и т. п.).

3. Документы, фиксирующие юридические факты. Это наиболее многочисленная группа юридических документов, которая, в свою очередь, требует классификации, прежде всего, по характеру этих фактов: а) документы, которые фиксируют факты, определяющие правовой статус субъектов (паспорта регионов, участков, граждан, справки об освобождении из мест заключения и т. д.); б) документы, фиксирующие факты, от которых зависит правовой режим объектов (технические, строительные, сельскохозяйственные и иные паспорта и допуски, а также счета, чеки, сертификаты, трудовые книжки и т. д.); в) документы, фиксирующие волеизъявление субъектов (заявления о преступлениях, жалобы, книги учета преступлений, правонарушений и иной подобной информации); г) документы, фиксирующие факты - события (журналы регистрации уголовных дел и постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, постановления о возбуждении уголовных дел, об их прекращении и отказе в возбуждении уголовных дел, акты осмотров, освидетельствования, изъятия, заключения экспертов и т. д.); д) документы, фиксирующие статистические сведения (документы юридической, демографической, экономической и иной статистики соответствующих органов); е) документы средств массовой информации (статьи в газетах и журналах, публицистика, официальные сообщения телевидения и радио, сайты в ИНТЕРНЕТ и т.д.); ж) иные документы, содержащие информацию, полезную для комплексного прогнозирования борьбы с преступностью (результаты ранее проводившихся

исследований криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического характера, рабочие тетради сотрудников правоохранительных органов, меморандумы писем заключенных, не получившие статуса официальных юридических документов, прогнозы в сфере борьбы с преступностью, разработанные тем или иным правоохранительным органом, справки комплексных проверок правоприменительной деятельности и т.д.).

Представив классификацию документов, фиксирующую информацию для исследований в области уголовно-правовой футурологии, следует оговорить, что она, во-первых, не единственная из возможных, т.к. в зависимости от избранного критерия, документы можно классифицировать “до бесконечности”; во-вторых, не может быть исчерпывающей в силу того, что информативные документы “рождаются” практически ежедневно; и, в-третьих, возможно, недостаточно выдержана с точки зрения ее основания (к примеру, один и тот же документ может быть отнесен к разным классам).

Так же как в случае с проверкой гипотез, существуют процедуры проверки надежности документов, которые предполагают различение информации на: событийную и оценочную; анализирующую целевые намерения и мотивы составления документа; уясняющую общую и политическую обстановку, в которой составлен документ и т.д. Кроме того, разработаны методы качественного и количественного анализа документов. Среди них следует особо отметить библиографический метод или метод анализа личных и исторических документов, процедуру шкалирования и контент-анализ [40, с.150-220].

При шкалировании разрабатывается классификатор шкал, отражающий особенности исследуемых документов. При этом могут одновременно составляться аналитические таблицы, позволяющие выявить тенденции, взаимосвязи и зависимости изучаемых процессов и явлений, то есть то, что наиболее интересно с точки зрения прогнозирования.

Контент-анализ представляет собой анализ содержания исследуемого текста, который позволяет уточнить значение отдельных входящих в него слов, выражений, в целом - смысла документа. В годы второй мировой войны контент-анализ широко использовался английской разведкой и позволял по содержанию немецких газет прогнозировать военные операции гитлеровцев на том или ином участке фронта.

Библиографический метод, процедура шкалирования и контент-анализ как способы проверки надежности документов, чаще всего относят к нетрадиционным методам исследования документов [41, с.24]. Но в данном случае мы пренебрегаем в определенной мере точностью классификации и определения методов исследования документов в угоду их простоте, наглядности и большей “привязки” к реальной жизни. Специфика названных документов состоит в характере информации, имеющей значение для рассматриваемых прогнозов.

Опрос. Как метод, опрос проводится тогда, когда сами исследуемые явления не доступны прямому непосредственному наблюдению, не находят достаточного отражения в документах, а также тогда, когда предмет информации связан с субъективным отношением людей к действительности. В основе опроса лежит совокупность вопросов, ответы на которые и дают социальную, уголовно-правовую и иную необходимую для прогнозирования информацию. Опросы проводят либо заочно (анкетирование), либо очно (интервью). Несмотря на кажущуюся простоту, к проведению опроса, к его формам, стадиям, типам и видам предъявляются серьезные и, в большинстве своем, обязательные требования. К ним, в частности, относятся: 1) опросник должен быть обоснован по целям, то есть, как он будет понят опрашиваемым; 2) опросник должен давать (показывать) реальное отношение опрашиваемого к интересующему исследователя-футуролога явлению или событию; 3) опросник должен давать устойчивые данные, то есть, если повторно, при тех же условиях вновь опросить респондента, то результаты первого опроса должны подтвердиться.

Требований к анкете гораздо больше, чем для опросника, но они могут быть сведены к трем основным: во-первых, вопросы должны быть понятны всем участникам опроса (для чего составляется сама анкета или план интервью); во-вторых, анкетер должен обеспечить заполнение анкеты каждым опрашиваемым и, в - третьих, важны условия, в которых происходит опрос, то есть та ситуация, в которой находится опрашиваемый (острая или безразличная ситуация со стороны опрашиваемого).

Кроме того, анкету можно условно разделить на три части. Первая часть содержит “легенду”, то есть задачи и цели опроса и введение, стимулирующие респондента на откровенность ответов и содержащие небольшую инструкцию по заполнению анкеты.

Вторая, основная часть, состоит непосредственно из вопросов, которые классифицируются: а) по целям поставленных вопросов - результативные вопросы; функциональные вопросы; вопросы контроля, снятия стресса и т. п.; вопросы-фильтры; собственно-контрольные вопросы; вопросы-ответы; б) по содержанию: о фактах, знаниях, о мотивах поведения, о выяснении мнения и т.п.; в) по форме: открытые, полуоткрытые, закрыты, пилотажные, вопросы-ловушки.

Вопросов должно быть столько, сколько необходимо для решения намеченной программы (желательно, конечно, не более 25-30). Порядок их расположения в анкете, как правило, от простых к более сложным, а формулировка должна отличаться тем, чтобы респондент понял смысл вопроса (поэтому вопросы анкеты надо апробировать пилотажным обследованием, только затем проводить полевое обследование).

Третья часть анкеты, так называемая “паспортичка”, где респондент указывает некоторые данные о себе: пол, возраст, специальность, образование и т. д., но то, что имеет значение для исследователя.

Надо иметь в виду, что во многих случаях данный метод – единственная возможность получить информацию прогностического характера, например, составить удовлетворительное представление о правовых ценностях

населения, выяснить общественное мнение на государственную уголовную политику, правореализующую деятельность органов внутренних дел, определить “ценностный профиль” человека будущего [42, с.67].

Учитывая, что различия между субъектами и объектами комплексного прогнозирования борьбы с преступностью довольно существенные, необходим дифференцированный подход к определению адресатов социологических опросов.

К ним можно отнести:

- специалистов, принимавших и принимающих участие в конструировании уголовно-правовых установлений, разрабатывающих проекты документов уголовно-политической направленности, планирующих реализацию уголовной репрессии и превенции;

- * сотрудников государственных органов, уполномоченных применять уголовно - правовые, пенитенциарные нормы и реализовывать уголовную политику государства;

- правонарушителей, субъектов уголовной ответственности и наказания, осужденных, преступников и судимых;

- индивидов, поведение и образ жизни которых свидетельствует о реальной возможности совершения ими правонарушений и преступлений;

- граждан, не нарушающих правовые, в том числе и уголовно-правовые нормы.

В отношении различных групп адресатов могут применяться различные вариации опросов. Например, в отношении первых двух групп может быть использован метод опроса экспертов, который предполагает четыре этапа его реализации: формирование группы экспертов; экспертное исследование; формирование прогностических выводов; оценка окончательных результатов.

Общеизвестно, что формирование группы экспертов предполагает, прежде всего, решение таких важных вопросов, как компетенция каждого эксперта, полнота групп экспертов, их численность. Так, опрос лиц, применяющих уголовный закон и реализующих уголовную политику

государства, важен для установления характеристик всей уголовно-политической деятельности, которые составляют “остов” комплексного прогнозирования борьбы с преступностью.

Практикой апробировано, что к приглашаемым экспертам предъявляются определенные требования. Прежде всего, это должны быть высококвалифицированные специалисты в своей сфере, а также специалисты-юристы разного профиля. Этот критерий проверяется, во-первых, по признакам их формального профессионального статуса, во-вторых, результатами их предварительного тестирования и, в-третьих, путем аттестации их со стороны коллег. Однако компетентность суждений экспертов является проблемой, требующей отдельного изучения.

Самостоятельной практической проблемой является определение оптимального числа экспертов. Обычно их должно быть не более 10-ти человек, но в дальнейшем этот круг может быть расширен по рекомендации уже приглашенных экспертов.

«Индивидуальные экспертные оценки имеют тот недостаток, что накопленный экспертом опыт, сложившиеся стандарты мышления зачастую мешают ему подняться над уровнем привычных представлений и непредвзято посмотреть на проблему. Чтобы добиться серьезного и активного отношения эксперта к опросу, необходимо в той или иной форме познакомить его с теоретической схемой прогнозного исследования, в которой должны содержаться, по крайней мере, перечни факторов, могущих влиять на правотворчество, правоприменение и уголовную политику в сфере борьбы с преступностью. Эксперты должны быть знакомы с гипотезами о характере предстоящего развития исследуемых процессов и явлений» [43, с.28].

Метод экспертных оценок. Данный метод отличается от опроса экспертов тем, что отобранные специалисты опрашиваются относительно значений некоторых переменных, дающих необходимую информацию об объекте оценки.

В зависимости от требований, предъявляемых к получаемой информации, экспертные оценки могут иметь самую разнообразную форму – от заочного опроса с помощью анонимной анкеты и до способа “дельфи” или открытой групповой дискуссии. Метод экспертных оценок относительно прост, хорошо зарекомендовал себя в юридическом прогнозировании и в доступной форме освещен в специальной литературе.

Выводы экспертов проверяются и оцениваются вместе с данными, полученными на основании использования других методов. Каждый эксперт заполняет таблицы экспертной оценки по соответствующим шкалам, после чего используется простое упорядочение значений, их парное или последовательное сравнение, а также другие процедуры, обеспечивающие идентификацию измеряемых переменных или их ранжирование.

Метод обобщенного сценария. Считается, что «сценарий - это гипотетическая последовательность событий с целью сосредоточения внимания на причинно-следственных связях. Его сущность состоит в том, что прогноз дается, во-первых, в виде целостной картины будущего состояния исследуемых объектов, во-вторых, его элементы наполнены некоторыми другими самостоятельными методами и, в-третьих, он отвечает на вопросы двоякого рода: каким путем может реализоваться определенная прогностическая ситуация и какие имеются варианты для каждого управляющего субъекта, чтобы предотвратить, нейтрализовать и избежать того или иного негативного варианта развития событий». [9, с. 34]

Метод обобщенного сценария включает в себя такие структурные элементы как: тенденции развития прогнозируемых явлений и процессов в сфере борьбы с преступностью, проблемные ситуации в сфере борьбы с преступностью и узловые блоки соответствующих явлений, опрос экспертов по вопросам развертывающегося сценария и др. В связи с подобной структурой становится возможным: представить целостную картину развития объектов комплексного прогнозирования борьбы с преступностью; гармонично сочетать теоретические и практические методы и подходы;

увязывать глобальные, частные и локальные прогнозы в сфере борьбы с преступностью; реализовать комплексный подход, при котором используется широкий круг иных социальных и юридических прогнозов.

Подробно метод обобщенного сценария освещен в монографии О.А. Гаврилова "Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование", в которой отмечается, что прогнозные сценарии могут быть самые разнообразные, но их принципиальная схема обязательно должна включать в себя: параметры исходной ситуации; наиболее вероятную конечную ситуацию; управляющих и управляемых субъектов; ключевые явления, процессы и события и их вероятные структурные изменения; оперативные, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные проблемы и проблемные ситуации; наиболее желательную конечную ситуацию; возможные внешние и управляемые воздействия [44, с.44-46].

Метод обобщенного сценария проверяется данными, которые могут быть получены с помощью иных методов уголовно-правовой футурологии и, в частности, методом опроса экспертов.

Эксперимент. В комплексном прогнозировании в сфере борьбы с преступностью эксперимент более сложный метод эмпирического исследования изучаемых объектов, но наиболее сильный способ проверки выдвинутых гипотез. В области уголовного права эксперимент чаще выступает компонентом нормотворческого процесса. Эксперимент применяется также в управлении борьбой с преступностью, когда речь идет о поиске новых практических средств достижения поставленных целей. Последние, в свою очередь, используются в практике уголовно-политического планирования борьбы с преступностью. Необходимо использовать имеющиеся в практике прогнозирования широкие возможности для проведения экспериментов по повышению эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, уголовной и пенитенциарной политики, так как эксперимент представляет собой не хаотический процесс, а, напротив, является управляемым процессом

целенаправленного изучения будущего решения. Эксперимент в уголовно-правовой футурологии, - это метод получения знания (информации) об объектах криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического характера, воздействия на них управляемых и контролируемых факторов, специально созданных условий, необходимых и достаточных для проявления и измерения определенной, устанавливаемой связи явлений [45, с.15]. Активное воздействие исследователя на объекты (объект) прогнозирования, возможность вычленения действия причинного фактора и неоднократного воспроизведения экспериментальной ситуации это самое ценное, что дает эксперимент. Экспериментатор обычно сам создает ситуацию уголовно-правовой, либо иной направленности и контролирует ее развитие. Такого качества лишены иные рассмотренные выше методы комплексного прогнозирования борьбы с преступностью.

Однако на сегодняшний день у юристов нет единого мнения на возможность проведения эксперимента в уголовно-правовой сфере, в особенности связанной с преступностью. Одни авторы полагают, что в сфере борьбы с преступностью эксперимент вообще недоступен [46, с.81], либо может быть использован локально [47, с.92].

Другая позиция прямо противоположна и сводится к тому, что эксперимент, например, в криминологии возможен в полном объеме, но при соблюдении определенных правил [48, с.67].

В этих же двух плоскостях идут дискуссии и о возможностях эксперимента в уголовном праве, уголовной политике, пенитенциарном законодательстве и практике его применения [49, с.17]. На наш взгляд, эксперимент как метод исследования присущ каждой из перечисленных правовых областей, вопрос лишь в том, чтобы строго соблюдались условия проведения эксперимента, а в необходимых случаях и некоторые ограничения. Что касается прогнозирования уголовно-правовых норм, то здесь эта проблема выступает как специфическая задача вычленения действия правового фактора из всей системы детерминации.

В ходе комплексного прогнозирования борьбы с преступностью условия и ограничения, предъявляемые к проведению эксперимента, сводятся к тому, что он:

- никогда не должен ставиться “наобум”, а предполагает наличие четко сформулированной цели исследования;
- не делается "вслепую", он всегда базируется на каких-то исходных теоретических и практических положениях;
- не проводится беспланово, хаотически, предварительно исследователь намечает пути его проведения и конечный, прогнозный результат;
- требует определенного уровня развития технических, электронных и иных материальных средств познания для его реализации;
- должен проводиться специалистами, имеющими достаточно высокую квалификацию;
- он может быть прерван в любой момент по желанию экспериментатора.

Следует добавить, что для эксперимента уголовно-правовых опытных норм еще встает и проблема учета времени действия причинного фактора. Эксперимент обычно длится непродолжительное время и поэтому причинная связь может быть не установлена с полной надежностью.

В ходе эксперимента пенитенциарной направленности следует выдерживать принцип “соотношения содеянного назначенному наказанию”.

К ограничениям в эксперименте в области уголовно-правовой футурологии необходимо отнести, как минимум два положения. Недопустимо провоцировать преступления, его принципы должны основываться на нормах законности и морали.

Без каких-либо существенных ограничений в ходе комплексного прогнозирования борьбы с преступностью можно проводить эксперименты по правовой, политической пропаганде и правовому воспитанию населения, профилактике преступлений, по оптимизации правоприменительной

деятельности и т.д., если это проводится с учетом требований экспериментальных процедур. К их числу относятся:

- постановка и уточнение задач и основных гипотез;

- выбор эмпирического объекта, в рамках которого предлагается провести эксперимент;

- * определение экспериментальных и контрольных групп;

- * создание экспериментальной ситуации посредством ввода гипотетической причины и проведение периодических измерений функционирующего объекта;

- анализ результатов;

- контрольное повторение эксперимента.

Обоснованность и большая точность криминологического прогноза зависят и от того, имеются ли данные о преступности и результатах борьбы с ней. В частности, существование латентных преступлений само по себе обрекает статистическое наблюдение на неполноту отражения реальной преступности и реально достигнутых результатов борьбы с нею. Поэтому необходима методика «поправок на латентность».

Если бы соотношения между регистрируемой и латентной частями преступности (более правильно оценивать эти соотношения по видам преступлений, а не оперировать совокупностями всех вместе взятых преступлений) являлись постоянными, то внесение поправок в статистические данные было бы менее трудным делом. Но эти соотношения весьма изменчивы не столько в силу статистики изменения совершения преступлений, сколько зависят от полноты регистрации преступлений органами уголовной юстиции. Ради ложно понятых ведомственных интересов правоохранительных органов или интересов личной карьеры до сих пор нередко имеет место укрытие преступлений от регистрации. Определенные недостатки действующих официально или неофициально критериев оценки эффективности деятельности правоохранительных органов

являются причиной этого, в частности «перевода» части преступлений против общественного порядка в разряд административных деликтов.

Статистические данные об административных проступках, сходных с некоторыми преступлениями, например о мелком хулиганстве, должны поэтому использоваться при подготовке криминологических прогнозов. Располагая суммарными данными о хулиганстве (о количестве преступлений и административных проступков за прошлые годы), можно более точно определить тенденции динамики хулиганских проявлений за соответствующие годы. Определенное уточнение оценки полноты статистических данных об уголовно наказуемом хулиганстве можно осуществить в том случае, если определить, стабильно ли соотношение доли хулиганских действий-преступлений и доли административных деликтов. Полезно также проводить выборочное изучение материалов о мелком хулиганстве, чтобы выявить и качественно оценить случаи неправильного отнесения уголовно наказуемого хулиганства к административно наказуемому.

Проведено немало проверок и исследований относительно правильности квалификации хулиганских действий как преступлений и административных проступков. По выборочным данным, количество уголовно наказуемых хулиганских деяний, неправильно квалифицированных как административные проступки, достигло 15-20 лет назад около 20% от всей совокупности административно наказуемого хулиганства [50, с.23]. Понятно, что сумма зарегистрированных уголовной статистикой хулиганских действий – преступлений, показанных в административной статистике как иные правонарушения, будет значительно точнее отражать фактическую распространенность такого вида преступлений. Однако, используя уточненные данные при прогнозировании (экстраполируя их или беря в качестве базы), нужно прогнозировать и тенденции будущей практики органов внутренних дел и судов по квалификации хулиганства.

При оценке полноты и достоверности статистических данных о преступности (прошлых лет) представляется целесообразным использовать метод экспертных оценок. В качестве экспертов могли бы выступать криминологи, исследователи, работающие в области уголовной статистики, практические работники органов внутренних дел, прокуратуры и суда (особенно непосредственно занимающиеся статистическим наблюдением за преступностью и результатами борьбы с ней). Желательно, чтобы эксперты дали свои аргументированные заключения в отношении полноты и достоверности статистических данных прошлых лет (включая текущий год), а также состояния уголовной статистики в будущем.

Полученные в результате описанных приемов уточнения, а иногда и «реставрация» статистических данных о прошлой преступности будут полнее фиксировать реальность.

Что же следует понимать под «реставрацией» (восстановлением) статистических данных? Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на одной существенной проблеме. В некоторых городах, районах, регионах в силу разных причин не сохранились статистические данные о преступности и результатах борьбы с ней за прошлые годы, хотя надежную базу для прогноза дают лишь ретроспективные данные за 10 лет («10 точек» на кривой). Понятно, что при прогнозировании такие данные необходимы. Поэтому нужно попытаться, пусть приблизительно (это лучше, чем полная неопределенность), определить те или иные абсолютные цифры, характеризующие в эти годы уровень, структуру, динамику преступности. Например, при отсутствии данных о судимости можно, установив пропорциональное соотношение между первым и вторым статистическим рядом, восстановить и отсутствующие цифры [50,с.20].

При разработке прогноза следует установить, были ли изменения уровня зарегистрированной преступности связаны с действительным изменением количества совершенных преступлений или изменение количества зарегистрированных преступлений являлось результатом их лучшего

выявления и более полной регистрации. Понятно, что может наблюдаться и то и другое, тогда есть необходимость констатировать этот факт. По нашему мнению, многие годовые изменения уровня преступности в 2005-2011 гг. в большей или меньшей степени были связаны с изменением количества выявленных, зарегистрированных преступлений в результате усиления или ослабления регистрационной дисциплины.

Прогностическая ценность статистических данных о преступности прошлых лет несколько ограничена, так как в начале 90-х годов прошлого века имела место неудовлетворительная регистрация преступлений. В связи с этим должны изучаться факторы, являющиеся основным источником ошибок, искажений, неполноты статистических данных о преступности. Нужно попытаться определить количественное влияние каждого из источников ошибок на итоговую величину.

Такая оценка требует в большинстве случаев реализации относительно обширной программы работ, включающей (наряду с другими) следующие методы:

1. проведение выборочной или сплошной проверки полноты собранных данных.
2. Сопоставление различных источников, из которых берется исходный материал.
3. Проверка полноты и правильности заполнения статистических карточек и бланков.

Должны проверяться все статистические характеристики преступности. Например, количество лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии, по статистическим данным одного региона, равнялось 60%. После выборочного, а также и сплошного изучения уголовных дел, по которым были получены указанные данные, оно оказалось равным 70%. Эти примеры показывают, что пользоваться статистическими данными без их тщательной проверки не следует.

В связи с оценкой полноты регистрации преступлений возникает вопрос: имеются ли значительные региональные колебания состояния регистрации преступлений. Хотя органы внутренних дел различных регионов отнюдь не изолированы друг от друга и ситуация в них с регистрацией преступлений, видимо, редко бывает исключительной, все же возможны серьезные региональные различия в регистрационной дисциплине. Поэтому при прогнозировании следует пытаться определить их уровень (хотя бы путем экспертной оценки) с целью взвешенного и осторожного подхода к анализу данных, используемых в прогнозе.

Представляется, что при попытках путем сравнительного анализа различных факторов объяснить территориальные различия преступности в нескольких областях криминологам подчас недооценивалась влияние на статистические характеристики преступности различной регистрационной дисциплины в этих областях. Между тем данный фактор может существенно влиять на принятие мнимых или неярко выраженных различий в уровнях преступности за действительные и тем самым неправильно интерпретировать значение влияния тех или иных криминогенных факторов на преступность.

Используемые в прогнозе данные социологических исследований также являются важным источником сведений о преступности. Но и они обладают определенными недостатками: их сбор проводится по разным программам, с разными целями; выбор областей, городов, районов и т.п. случаен; в программе прогнозирования полностью или частично не представлены многие территориальные единицы.

Следует отметить, что по своей сущности и целенаправленности социологические исследования преступности дополняют, существенно уточняют, но не подменяют статистическую информацию. Расширение публикации статистических данных о преступности в конечном счете будет способствовать улучшению качества и полноты прогноза тенденций преступности и борьбы с ней, так как возможности планирования и организации борьбы с преступностью в условиях гласности возрастают.

Повышению полноты и достоверности, показательности данных статистического наблюдения преступности содействовали бы: проведение выборочных проверок качества и полноты представления статистических материалов, организация статистического наблюдения потерпевших и поддающихся учету последствий преступности.

Для прогнозирования процессов борьбы с преступностью необходимы разнохарактерная информация, исследование динамики многих социальных явлений и процессов. Еще в советской криминологии обосновано влияние как минимум 250-300 факторов на преступность и криминальную ситуацию в целом. В настоящее время, по-видимому, отсутствуют возможности построения полной математической модели сложной системы «преступность – ее детерминанты». Это связано и с трудностями получения разноплановой информации и отсутствием необходимого объема социальной статистики.

Как уже ранее отмечалось, особый интерес представляет собой методологическая составляющая индивидуального прогнозирования преступного поведения.

Методологические предпосылки индивидуального (как и социального) прогнозирования базируются прежде всего на диалектико-материалистической теории развития, предусматривающей принципиальную возможность его познания по детерминистическим и иным связям, на диалектическом принципе, согласно которому в любом общественном явлении, рассматриваемом в процессе развития. Методологическое обоснование возможности прогнозирования поведения человека связано с детерминистической концепцией поведения, рассматриваемого в качестве результата сложного взаимодействия личности, среды и конкретной жизненной ситуации. Конечно, сложное существо человека, различные по природе его компоненты, сугубо индивидуально проявляющиеся в функциях и поведении, обуславливают трудность и специфику методологии познания и прогнозирования последнего, затрудняют практическое их осуществление, но не делают таковые невозможными.

Исходя из конкретных целей прогнозирования индивидуального преступного поведения, можно сделать вывод, что процесс его научной разработки включает в себя четыре части:

- 1) Исследование истории поведения интересующего человека и слагаемых, его обуславливающих: личности, среды, ситуации, закономерностей их формирования и проявления («методика ретроспекции»);
- 2) выявление среди признаков и закономерностей названных объектов таких, которые отражают тенденцию изменения (развития) поведения в сторону преступного, т.е. обладают криминальной прогностической значимостью;
- 3) формирование прогнозной модели, в которой системно концентрируется и вероятностно оценивается криминально значимая прогностическая информация («методика диагностики»);
- 4) практическое прогнозирование, состоящее в создании и применении прикладной методики прогноза преступного поведения.

Применяемые в этих целях методы, согласно исследованиям подразделяются в основном на три группы: клинический, детерминистический (факторный) и эталонный: Клинический метод - это диагностика единичного объекта прогнозирования. Тенденции его изменения выявляются на основе знания характерных для него механизмов и закономерностей, например психофизиологических, психологических, на чем основывается прогнозирование того, каких следующих стадий и как скоро могут достигнуть названные изменения. [9, с. 26] Он получил распространение и в зарубежной криминологии как последовательное продолжение ее клинического направления, особенно среди ученых, которые объясняют преступления биологической и биопсихологической патологией, в связи с чем, как правило, не охватываются социальные условия преступного поведения и не дается о нем полного представления. На наш взгляд, в прогнозировании социального поведения, каковым является преступное, возможности данного метода крайне ограничены.

Детерминистический факторный способ базируется на раскрытии ожидаемой направленности согласно этиологическим, детерминистическим либо схожим условиям, порождающим изменение субъекта, его социальной роли, поведения, в том числе появление определенных событий, поступков. Трудности его применения состоят в ограниченности представления о всех факторах, определяющих поведение, возможностей их выявления и учета, четкого установления взаимосвязи между ними и конкретной роли каждого, в нередком расхождении между ними и конкретной роли каждого, в нередком расхождении между внутренними психологическими факторами и внешним их выражением в поведении.

При этом последнее только отчасти подвергается жесткой детерминации, а по существу считается проявлением личного предпочтения и, как указывалось ранее, является статистически вероятностным. Применение этого способа непременно связано с применением способов статистической концепции прогноза и возможностей, для того чтобы «максимально выделить детерминирующую часть процесса и постоянно стремиться к уточнению (по мере роста знаний) предсказания вероятной части, количественно определенно оценить вероятность достижения тех или иных прогнозируемых свершений». [9, с. 16]

Первоначальные опытные исследования прогноза криминального поведения вдобавок базировались на выделении, измерении и применении в футурологических целях отдельных его условий. Производились попытки обширно аргументировать акцентирование прогностически важных свойств отображением в них антисоциальной ориентированности персоны, её противообщественной ориентации и подлинных поступков. Но, в процессе изучения, подбор признаков по сути производился исключительно логически и посредством точных математических расчетов, по существу, так же, как и в обычной операции с факторами. Вероятно, эти и иные неточности методики прогноза не дают возможности рекомендовать ее для практического применения.

На базе использования более точных математических методик (распознавания образов и др.) был сделан ряд попыток, обойти вниманием которых, мы не можем. «Они привели к высокому (до 80%) подтверждению последних. Однако, в силу определенной сложности практической реализации этой работы также не произошло. К тому же, на закономерностях повторяемости некоторых видов преступлений, были предприняты попытки определить вероятность их рецидива», пишет Г.М. Миньковский. [10, с.34] Проведенная им работа указывает о зависимости рецидива от ряда факторов, как возраст впервые осужденного, его половая принадлежность, уровень образования и прочее.

Эталонный способ для выявления тенденции изменения поведения опирается на образцы, эталоны, стереотипы, свойственные схожим людям в схожих ситуациях. В этом методе не обязательны уяснения роли всей системы связи и каждого элемента детерминации поведения. Он обозначает определенные образцы, типичные формы, присущие лицам единой статистической группы. Однако, этот метод не срабатывает, когда поведение людей «отходит» от предполагаемого образа, что все же случается нередко. В этом случае необходимо снова возвращаться к психологическому механизму или детерминистическому анализу.

Критический анализ операциональных возможностей и практической результативности описанных выше методов, а также методов психологов и криминологов об актуальности разработки проблем типологии личности в целях ее более глубокого познания побудили нас искать новые методологические пути решения задачи определения прогностически значимых признаков преступного поведения и его прогнозирования. Типологический метод в этом ключе представляется перспективным.

«В социологической и психологической литературе давно обращалось внимание на то, что типология личности и основанное на ней определение типичного «набора качеств», позволяет ее прогнозировать, «предугадывать действия». О возможности и перспективности типологического подхода при

разработке основ прогнозирования индивидуального преступного поведения» - писали А.Б. Сахаров, В.Н. Кудрявцев, А.С. Шляпочников, Г.М. Миньковский и другие ученые [10, с. 56].

Однако до сих пор эти идеи не были практически реализованы, главным образом, из-за нечеткости методологии и «технологии» проводимой при этом типологизации личности.

Выводы:

1. Эффективность прогнозирования напрямую зависит от применяемых методов и точности статистических показателей. При этом нельзя противопоставлять методы прогнозирования по их значимости. Ни один из перечисленных ранее методов не обеспечивает абсолютную точность прогноза. Ими пока удается охватить лишь некоторые факторы из числа интенсивно, влияющих на преступность. Очевидно, что высокая степень вероятности прогноза обеспечивается совокупностью применения этих методов.

2. Большинство опрошенных сотрудников правоохранительных органов (67 %) не имеют представление о методах прогнозирования, соответственно, не занимались прогностикой в правоприменительной деятельности. Таким образом, в республике правоохранительные органы прогнозирование почти не используют либо осуществляют его на примитивном (интуитивном) уровне. Отсюда неэффективность многих кампаний по усилению борьбы с отдельными проявлениями преступности.

3. Методологические предпосылки индивидуального (как и социального) прогнозирования базируются прежде всего на диалектико-материалистической теории развития, предусматривающей принципиальную возможность его познания по детерминистическим и иным связям, на диалектическом принципе, согласно которому в любом общественном явлении, рассматриваемом в процессе развития, «всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего». Методологическое обоснование возможности прогнозирования поведения человека связано с

детерминистической концепцией поведения, рассматриваемого в качестве результата сложного взаимодействия личности, среды и конкретной жизненной ситуации. Конечно, сложное существо человека, различные по природе его компоненты, сугубо индивидуально проявляющиеся в функциях и поведении, обуславливают трудность и специфику методологии познания и прогнозирования последнего, затрудняют практическое их осуществление, но не делают таковые невозможными.

Глава 2. Криминологическая обстановка и уголовная политика как объекты комплексного прогнозирования

§ 1. Основные черты современной криминальной ситуации и возможности ее прогнозирования

Объект прогнозирования в сфере противодействия преступности определяется ее целостным предметом и характеризуется большим комплексом различных количественно-качественных признаков (главные, второстепенные, трудно поддающиеся прогнозированию, сравнительно легко прогнозируемые и т.д.). В свою очередь, целостность предмета комплексного прогнозирования борьбы с преступностью определяет специфику его объекта, так как целостность, в данном случае, выступает как критерий определения объекта прогнозирования.

Следовательно, объектами комплексного прогнозирования борьбы с преступностью будут не отдельные социально-правовые процессы и явления, а их свойства и черты, которые выступают как целостные: а) преступность, ее виды; поведение отдельных лиц (при прогнозировании индивидуального преступного поведения); б) уголовное, уголовно-исполнительное, а при необходимости, и иное законодательство; в) отдельные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные нормы, группы норм, институты; г) социально-правовые коллизии и ситуации общественной жизни, урегулированные и не урегулированные нормами права; д) уголовно-правовые и пенитенциарные санкции, отдельные виды наказаний, те или иные аспекты репрессии, профилактики, их эффективность и целесообразность; е) правоприменительная практика, перспективы деятельности работников государственной власти, осуществляющих борьбу с преступностью и т.д.

Мы исходим из того, что главным объектом комплексного прогнозирования является криминологическая обстановка. В содержание криминологической обстановки входят состояние преступности,

криминогенная ситуация, личностный криминогенный и виктимогенный потенциалы, а также другие социальные явления, имеющие отношение к феномену преступности и связанных с ней других форм девиантного поведения.

Современные условия характеризуются обостренным социальным противоречием, связанным с преобразованиями в экономической и политической жизни общества, в Кыргызской Республике задачи противодействия преступностью и ее минимизации приобретают характер государственной проблемы. В структуре преступности существенно увеличиваются масштабы организованной преступности в сфере экономики, наркобизнеса, коррупция и т.д., которые приняли массовый характер, ставят под угрозу идеи реформирования страны. Негативные тенденции в преступности усугубляются повышением уровня маргинализации общества, правового нигилизма, ухудшением уровня жизни.

Имеет место самовоспроизводство преступности и иных форм антиобщественного поведения. Возрождаются проявления профессионализации преступного поведения, которые в определенной степени требуют и коррективов в деятельности правоохранительных органов и общественности. Накапливается эффект действия теневой экономики, что приводит к известному привыканию населения к ряду форм преступного поведения.

Миньковский Г.М. утверждал: «Чрезмерно резкий рост преступности обусловлен не столько недостатками борьбы с ней, сколько реальным положением общества переходного периода. Однако, объективные недостатки, связанные с организацией борьбы с преступлениями, все же имеются» [10, с. 34]. Согласимся с этой аксиомой права и добавим Они связаны с неэффективными и зачастую хаотичными попытками управления процессами борьбы с преступностью, в том числе путем использования возможностей комплексного прогнозирования.

Преступность достаточно чувствительна к целенаправленности мер противодействия. Основанные на достоверном прогнозе управленческие решения и их реализация непосредственно влияют на ее состояние.

Под состоянием преступности подразумевается: - “знание уровня преступной активности в районах, которая позволяет путем расчета её отклонений от средних по городу или области определить относительную степень “криминогенности” районов, а, следовательно, необходимость маневрирования силами и средствами для их сосредоточения в местах с наиболее сложной оперативной обстановкой” [51,с.181].

За 2011 год на территории республики всеми правоохранительными органами зарегистрировано 30520 (35528) преступлений, что на 14,0% меньше, чем за 2010 год. Рост количества совершенных преступлений отмечается в г.Бишкек (+3,2%), Чуйской области (+3,2%), Нарынской (+5,7%) и Баткенской (+2,1%), областях.

Одновременно отмечается значительное снижение тяжких и особо тяжких преступлений по республике на 38,8% (с 7425 до 4544 фактов), в том числе особо тяжких на 19,2% (с 1820 до 1469 фактов).

Практически во всех регионах республики отмечается снижение количества преступлений, совершенных в общественных местах на 3,3% (с 3710 до 3584), за исключением Нарынской и Ошской областей, где рост их составил 12,9% и 0,8% соответственно.

На 7,5% (с 1995 до 1845) снижено количество преступлений, совершенных на улицах.

Всего выявлено 15883 (14627, +1256) лица, совершивших преступления. Из них к уголовной ответственности привлечено 14971 (13932) или 94,2% (95,2%) от общего числа выявленных лиц. В том числе, 1818 (1612) женщин, 1353 (1176) несовершеннолетних, 202 (166) иностранца.

71,5% от общего количества лиц, совершивших преступления, это лица, которые на момент совершения преступления нигде не работали и не учились. Их количество возросло с 11230 до 11372 человек. Со 132 до 155

возросло количество учащихся ВУЗов и ССУЗов совершивших преступления, с 1195 до 1409 служащих и с 66 до 102 предпринимателей.

На 5,3% (с 584 до 615) возросло количество учащихся школ, совершивших преступления, в том числе в городах Бишкек (с 86 до 158) и Ош (с 27 до 56), в Нарынской (с 28 до 42) и Ошской (с 77 до 82) областях.

На 68,2% возросло количество ранее судимых лиц, совершивших преступления (с 390 до 656), в том числе в г. Бишкек (с 86 до 126, или 46,5%), Чуйской (с 137 до 328, или 139,4%), Иссык-Кульской (с 24 до 61, или 154,1%), Нарынской (с 22 до 78, или 254,5%), Ошской (с 4 до 11, или 175,0%), областях.

Иностранцами совершено 261 преступление, против 171 за 2010 год, в отношении иностранцев совершено 103 преступления, против 113 за 2010 год.

На 13,8% увеличилось число лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (с 511 до 582) и 100,0% - в состоянии наркотического возбуждения (с 10 до 20).

По делам, оконченным следствием в отчетном периоде, на 3,3% (с 1059 до 1095) возросло количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и с их участием.

Уменьшилось количество преступлений, совершенных в группе (с 2613 до 2420), их рост произошел в г.Ош (с 146 до 151), Чуйской (с 650 до 685), Нарынской (с 69 до 161) и Ошской (с 324 до 412), областях.

В том числе, уменьшилось количество преступлений, совершенных организованными преступными группами по республике с 20 до 17 фактов, или на 15,0%.

С 68 до 54 случаев уменьшилось количество преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия.

С 35 до 15 случаев уменьшилось количество преступлений, совершенных с применением холодного оружия [52].

Приведенные выше цифры – количественные показатели зарегистрированной преступности последних лет. Необходимо иметь в виду, что отдельные виды преступности имеют высокую степень латентности – незаконный оборот наркотиков, коррупция, отдельные виды финансовых преступлений, например, как легализация преступных доходов. Кроме того, существует т.н. искусственная латентность, образуемая сотрудниками правоохранительных органов, которые часто руководствуясь «заботой» о благополучной статистике преступности, занимаются банальным укрыванием от учета преступлений. Поэтому статистические показатели зарегистрированной преступности пока не могут служить надежным ориентиром реального состояния преступности. В среднем за последние десять-пятнадцать лет зарегистрированная преступность колебалась от 25 до 35 тыс. в год.

Анализируя систему и развитие ситуации в области противоправных действий, следует учитывать, помимо поправки на имплицитность, тот факт, что «информация об учете противоправных действий служит для отображения в первую очередь уровня деятельности тех, кто обеспечивает приведение в действие законов, их интереса в искоренении разнообразных противоправных действий и причин, побуждающих к их совершению, в особенности наиболее частотных и представляющих самую серьезную угрозу общественному порядку, но не реальное положение дел в контексте этого феномена» [53, с.91].

Однако, вероятностные индикаторы положения относительно противоправных действий, безотносительно их невысокой точности, в комбинации с изучением условий, сложившихся в обществе, служащих основой для развития питательной среды для противоправных действий, при анализе их в комбинации с другими видами девиантного поведения, с принятием во внимание скрытности мотивов способны, как мы полагаем, обеспечить достаточно цельное и полное понимание размеров будущего преступного поведения.

Плоды исследований положения противоправной деятельности, с рассмотрением направлений ее, представляют собой не только исходные данные для будущих исследований, но и способны обеспечить некоторые данные для выводов о возможных вариантах противодействия. Например, индикаторы системы «дают качественно-количественную характеристику общественной опасности преступности, ее особенностей, существенных для организации профилактики и для дифференциации практики применения уголовно-правовых мер» [54, с.69].

В наше время подверженность общества противоправным действиям до такой степени велика, что почти достигает «порога насыщенности общества преступностью» и может быть отмечена приведенными ниже особенностями:

1. Всеобщей криминализацией тех областей жизнедеятельности, которые имеют отношение к общественной и государственной деятельности, причем в иных она является господствующей формой отношений:

1.1. приведение противоправных действий к видимому соответствию законодательству; соединение преступных структур с бизнесом и силовыми структурами.

2. Рождение и устойчивое развитие организованных преступных сообществ, а, следовательно, и рецидивных уголовников (под этим следует понимать иерархичную систему преступных сообществ, включая кросс-национальные сообщества), с помощью:

2.1. общественного запроса и способов его удовлетворения как в плане социального феномена как такового, который, что может показаться примечательным, может применяться даже и государственными структурами (в частности, в форме политтехнологических приемов (образа врага), огосударствленной системы подавления инакомыслия, экстремистских действий и т.д.);

2.2. существующего запроса и его удовлетворения на место обмена кадрами преступных сообществ и рецидивных уголовников, в силу того, что они все более используются разнообразными группами внутри общества с

целью решения различных спорных ситуаций (рэкет, незаконные поборы, запугивание и не только конкурентов, соперников в разных сферах жизни). Следует также понимать, что упомянутые сферы находятся по большей части в правовом поле, то есть должны разрешаться соответствующими государственными структурами.

3. Конечное разграничение областей и точек обмена ресурсами для осуществления противоправной деятельности:

3.1. влияние их на все виды деятельности, включая те, что должны принадлежать государству, а кроме того обеспечение контроля над ними (важна лишь уровень контроля); сосредоточение в этих областях ресурсов для осуществления противоправной деятельности, их взаимосвязи, а также «альтернативного» контроля.

4. Регулирование государством, а именно соответствующими его структурами, всех незаконных акторов общественных отношений, путем применения всех методов и ресурсов, в частности:

4.1. Распространённых в мировом масштабе способов противодействия противоправной деятельности, включая очевидные меры полицейского характера;

4.2. давления на противоправные структуры путем совершенствования законодательства;

4.3. использование более и менее активных методик реформирования, включая усиленное или, напротив, урезанное финансирование соответствующих органов (следует понимать, что высказывание: “дешевая полиция дорого обходится государству” всегда полностью осознается политическими акторами внутри страны) [55, с.34].

Общество, само собой, может реагировать на неправильную политику в данной области путем развития таких настроений, как: диссонанс между поставленными целями и методами их достижений; развитие образа мышления, исключаящего «правовое» мышление. Следует трезво воспринимать эту реальность.

Понятно, что сейчас противоправная деятельность главным образом характеризуется общепринятыми в области политики, экономики и т.д. отношениями. Данный фактор благоприятно отражается на работе специалистов, применяющих законы соответствующих сфер жизнедеятельности для выработки понимания закономерностей сферы противоправной деятельности.

В целях организации эффективного противодействия я преступности объекты комплексного прогнозирования, должны подвергаться структурному анализу, следует выявлять их внешние связи, закономерности функционирования и развития. В этом плане остановимся на описании таких объектов прогнозирования, как криминогенные процессы и ситуации, уголовная политика и профилактика [11, с.87].

Прогнозирование криминогенных процессов опирается на теорию причин преступности и теорию криминогенной детерминации, разработанные советскими криминологами. Основное внимание сосредоточивается на генетической роли тех или иных явлений. Скажем, велись определенные обсуждения криминогенной роли миграционных процессов. Исследован механизм их воздействия на поведение его передаточные звенья, промежуточные результаты. Стало ясно, что по большому случаю немаловажную роль играют не миграционные процессы, а его «теневые стороны», которые остаются вне внимания криминологии. Между тем, по всей вероятности, через известное время они будут не такими, как в настоящее время. Это же относится к ряду экономических явлений.

В криминологии в общем говорилось о негативной роли недостатков в хозяйственной деятельности, организации распределения и других явлений.

Таким образом, первый подход к описанию прогнозируемого объекта связан с получением его онтологической характеристики.

Для предметного описания криминогенных процессов, взятых вначале в статистике, необходимо применить ряд исследовательских приемов. Указание

на них не исчерпывает проблему, но, возможно, вносит некоторый вклад в ее решение.

Прежде всего необходимо развить дифференцированный методический подход к понятиям «причины», «детерминанты», «факторы», «источники причин», «причинное и детерминирующее воздействие», «причинный эффект», т.е. необходимо отказаться от непродуманного, безотчетного использования категорий «причина», «детерминант», поскольку в действительности они скрывают за собой совершенно разные стороны социальной действительности.

Не отвлекаясь на теоретический анализ достаточно сложных структурных элементов процесса детерминации, укажем на то, что при прогнозировании его тенденций и состояния на избранный временный отрезок необходимо исследовать:

А) источники криминогенного воздействия, предметное выражение которых связано с производственной (в широком смысле этого слова) и социальной инфраструктурой, соотношением отдельных групп населения, их потребностями, интересами, морально-политической и социально-правовой позицией, общественным мнением и т.д.;

Б) криминогенные и антикриминогенные детерминирующие связи (воздействия), которые обладают различными характеристиками, в частности такими, как интенсивность, непрерывность, направленность и др.;

В) криминогенный эффект, под которым следует понимать как саму преступность, что совершенно очевидно, так и различного рода делящиеся негативные последствия, включившиеся в процесс криминогенной детерминации.

Выделение этих элементов процесса детерминации, в частности ее предметной основы, обеспечивает реализацию системного подхода, т.е. анализ объекта в его взаимосвязях, но далеко не полностью снимает существующие трудности, хотя, на наш взгляд, их существенно облегчает.

Вместе с тем следует рассмотреть возможность применения двух приемов прогнозирования криминогенных процессов, базирующихся на получении онтологических характеристик. Речь идет об использовании индикаторов криминогенных процессов, один из которых основывается на использовании урбанизации, оживления экономических связей. Следует считаться с реальной информационной нагрузкой индикатора и, смешивать ее с причиной, основываясь на этом, делать необходимые выводы.

Следующий методический прием заключается в выделении проблемных ситуаций в предметной основе детерминационных процессов. По существу, разновидностью проблемных ситуаций являются выделяемые в ходе исследования такие группы населения, как группы повышенного риска. Вместе с тем применительно к задачам прогнозирования категория этих ситуаций должна использоваться значительно шире. Она позволяет давать образ событий состояния процесса. Само выделение и описание проблемной ситуации представляет собой существенный шаг в познании детерминационных процессов. Криминогенные ситуации можно подразделить на общие характеризующие положение дел в целом, и частные. Так, при разработке прогноза, опыт которого освещается в настоящем сборнике, выделялись на основе коллективного обсуждения следующие проблемные ситуации, значимые для получения прогностических данных:

- криминогенность возрастных и профессиональных групп выраженная через показатели криминологического и общедемографического характера;
- миграционные и урбанизационные ситуации, описываемые также на основе ряда известных криминологических характеристик;
- ситуации в производственной, социальной инфраструктуре, переданные через рост производства, обслуживания, размещения народнохозяйственных и социально-культурных объектов;
- ситуации удовлетворения потребностей, выраженные как через характеристику самих потребностей, так и через способы и степень их удовлетворения легальными и нелегальными путями;

- ситуации отдельных видов поведения, в частности пьянства и алкоголизма, наркомании, поведения в сфере межнациональных отношений, вандалистского поведения.

Данный перечень ситуаций представлен неполно и в обобщенном виде. Его использование может быть вариативным при достаточно четком определении целей. Наряду с этим необходимо обязательно использовать еще один прием, указанием на который целесообразно завершить описание предметной онтологической характеристики детерминационных процессов. Речь идет о четком определении временных и (в данном случае это основное) пространственных граней объекта, ограничении его некоторыми признаками (виды поведения, признаки личности и др.).

Онтологическая, предметная характеристика криминогенных процессов, естественно, должна быть дополнена и характеристикой их движения, ибо есть смысл прогноза. Объект прогноза должен быть дан в развитии.

Особое значение здесь имеют: упоминавшаяся интенсивность детерминирующего воздействия, которая представляет собой меняющуюся величину, зависящую от ряда параметров источников детерминирующего воздействия; степень напряженности криминогенной ситуации, в свою очередь, выраженная через рост ряда ее характеристик.

Рассмотрим структурные элементы модели детерминации преступности.

Факторный комплекс 1 (социальные противоречия). Здесь ведущую роль играют противоречия в экономической сфере (в частности, противоречия между возрастающими потребностями в содержательном труде и возможностями их удовлетворения).

Исследователи указывают на негативные криминологические последствия противоречий в сфере распределения потребления материальных благ. Известно, что «бедность – мать преступления». Выражение, ставшее классическим более века назад, актуально и сегодня. Показатели социально-экономического характера в республике одни из самых худших в странах СНГ и продолжают оставаться таковыми. Имевшие место

два политических переворота (революции) 2005 и 2011 г.г. были обусловлены обострением социально-экономических противоречий.

Серьезное влияние на преступность продолжает оказывать недостаточное развитие жилищно-бытовых условий, особенно молодежи. Речь идет не только о количестве, но и о качестве жилья, существенно организуемого образ жизни. Сохраняющиеся здесь недостатки создают реальные предпосылки для распространения взяточничества, хищений, сохраняется конфликтность бытовой сферы. Известно также, какое негативное влияние на криминологическую обстановку оказывает сохраняющееся противоречие между досуговыми потребностями и уровнем развития досуговых услуг и т.д.

Имеются противоречия и в социальной сфере функционирования многих общественных институтов, в сфере воспитания, управления и прочего. Конкретные криминологические исследования дают точные «развертки» подобного рода факторов.

По нашему мнению, основная характеристика рассмотренного факторного комплекса состоит в векторе криминогенного влияния: от факторов среды – к параметрам преступности. В определенном смысле, обратным влиянием процесса преступности на эти факторы в интересах анализа можно пренебречь.

Факторный комплекс 2 (уголовная политика, социальный контроль, деятельность правоохранительных органов). Особенности данного фактора заключаются в том, что он первоначально подлежит оценке субъектами уголовной политики. Данный фактор имеет более сложные и разносторонние связи, чем факторный комплекс 1. [9, с. 23]

На высших (директивном и законодательном) уровнях основные положения и принципы уголовной политики сложились в 50-60-е годы. Основными чертами ее стали опора на предупреждение преступности. Однако последние 20 лет показали, что и в уголовной политике имеются просчеты, обострились определенные противоречия.

Свидетельством противоречий в уголовной политике является, например, характер изменений в уголовном законодательстве: на словах много и с энтузиазмом говорилось о депенализации, декриминализации, а на деле происходило расширение сферы уголовно-правового воздействия за счет именно криминализации ряда деяний. Так, с 1997 г. по 2011 г. в УК КР было введено дополнительно свыше 30 статей. Как показывают выборочные исследования, в структуре современной преступности преступления, предусмотренные новыми нормами, составляют не менее 7%.

На уровне правоохранительных органов важными факторами уголовной политики, оказывающими существенное влияние на уровень регистрируемой преступности, являются:

- А) изменение штатной численности (экстенсивный фактор);
- Б) изменение в технической оснащенности;
- В) уровень регистрационной дисциплины;
- Г) интенсификация труда работников правоохранительных органов.

Факторный комплекс 3 (самовоспроизводство преступности, рецидив, криминальное заражение). Преступность, как всякий социальный процесс, обладает механизмом своего собственного воспроизводства. Ядром и «энергетическим» потенциалом этого механизма является рецидив. Как носители асоциальных опыта и установки, рецидивисты «заражают» лиц неустойчивым или деформированным правосознанием. При этом широко используются различные формы социального общения. Известно, например, какой силы асоциальный «заряд» несут семьи, в которых есть ранее судимые. Так, по данным выборочного исследования, проведенного во ВНИИ МВД СССР, у каждого четвертого гражданина, впервые совершившего преступление, кто-нибудь из совершеннолетних членов семьи ранее привлекался к уголовной или административной ответственности [56, с.54].

К криминогенным факторам относятся, конечно, не только социально-патологическая роль рецидива, но и его собственные количественные и качественные изменения.

Факторный комплекс 4 (население, человеческий фактор).

Факт, что в числе преступников наши социальные слои имеют разное представительство, стал криминологической аксиомой. По существу, исследователи давно пользуются некоторой моделью криминологической стратификации, когда говорят о криминальной активности различных групп населения.

Криминологическая обстановка любой части населения, зависит от демографических, социальных, социально-психологических характеристик общества, его принадлежности к определенной национальной, региональной общности. Все эти свойства населения (характеристики, принадлежности), по нашему мнению, относятся к рассматриваемому факторному комплексу.

Хотя в большинстве своем эти характеристики являются отражением, кумулятивным выражением всех иных социальных процессов, однако не следует забывать и о так называемой целевой (волевой) детерминации поступков деятельности.

Предпринятый краткий обзор факторных комплексов – детерминантов процесса преступности – свидетельствует о том, что они представляют вместе с последней систему, которая по своим важнейшим характеристикам (наличие прямых и обратных положительных и отрицательных связей, иерархическая структура и т.д.) принадлежит к сверхсложным. Системы этого класса не могут быть в общем виде описаны с помощью математической модели. Отсюда понятно, почему в силу ряда обстоятельств (в частности, из-за недостаточного уровня развития математического аппарата) попытки в настоящее время построить полную и адекватную прогностическую модель преступности были безуспешными. Поэтому к адекватному и полному построению прогностических моделей (в том числе региональных) криминологи идут путем приближений. С фактором сверх сложности связаны, и попытки решать проблемы прогноза так называемыми интуитивными методами.

При общей оценке рассматриваемого факторного комплекса следует отметить, что криминологи в целом правомерно констатируют: согласно экспертной оценке «девять десятых криминогенных факторов первичной преступности требуют мероприятий по их устранению на общесоциальном уровне». Решающий вес комплекса общесоциальных детерминантов преступности (в целом) подтверждается и результатами моделирования.

Проблемы, стоящие на пути более широкого изучения факторов самодетерминации преступности и их использования в прогнозировании, общеизвестны.

Во-первых, это трудности операционализации. На сегодняшний день не разработаны подходы к количественной оценке уровня правосознания граждан, их иммунитета относительно вовлечения в противоправную деятельность с учетом дифференциации по социальным слоям, по национальной, территориальной принадлежности и т.п.

Во-вторых (и это связано с уже указанным кругом проблем), нет необходимого объема социальной статистики в стране. Криминологам, как и всем социологам, сложно анализировать демографические процессы, состояние таких институтов, как семья, школа и т.д.

Используя свойство относительной устойчивости, можно сделать выводы о будущем состоянии преступности в конкретном регионе, например: этот регион, вероятнее всего останется в той же самой группе регионов в течение ближайших 3-5 лет, а изменения преступности «не выйдут» за рамки изменений во всей группе регионов.

При прогнозе криминологической обстановки учитываются максимально возможный набор параметров преступности и ее детерминант. Оптимальный срок этой работы – около 6 месяцев. В течение этого времени последовательно по строгому графику осуществляются следующие мероприятия:

1. Создание рабочих групп, выделение руководителя, его заместителя и координатора-диспетчера.

2. Разработка проекта программы и технических заданий группам, обсуждение и утверждение этих документов; детализация группам методик, опробование их и заявки на информацию.

3. Разработка схем сбора и систематизации информации, подготовка и рассылка запросов, организация выборочных исследований.

4. Корректировка программы и технических заданий в соответствии с фактическим объемом полученной информации и результатами опробования методик.

5. Расчеты, оценки.

6. Описание полученных данных, качественная интерпретация результатов расчетов; сопоставление полученных выводов, увязка их в систему, выявление и устранение (объяснение) противоречий.

7. Формулирование рекомендаций об оптимальных управленческих решениях и реальных рубежах положительных изменений, которых можно достичь по каждому варианту. Обсуждение прогноза.

8. Сопоставление через год прогноза и реальных тенденций преступности и борьбы с ней. Объяснение расхождений, если они возникли, и корректировка выводов [10, с.14].

Следует еще раз подчеркнуть, что результаты прогнозирования будущего состояния криминологической обстановки никогда не могут быть абсолютными. Будущее всегда многовариантно. Оно зависит от мер, принимаемых субъектами противодействия преступности, от проводимой уголовной политики.

Проф. Жалинский А.Э. справедливо отмечает, что объекты криминологического прогнозирования изменяются с разной скоростью и глубиной. Так, динамика ряда преступлений, а в особенности имеющих малую латентность, может быть описана как достаточно устойчивая и в принципе редко дающая неожиданные перепады. В то же время социальные условия претерпевают в ряде случаев большие изменения. Теоретически это явление было зафиксировано советскими криминологами как «криминальное

эхо», т.е. наличие разрыва между временем социальных изменений и изменениями преступности. Этот разрыв в принципе существует, отражая то обстоятельство, что изменения социальных условий разнообразнее, чем изменения преступности [11, с.24].

Наряду с повышением количественной точности прогноза, имеющей свои пределы, целесообразно работать над повышением его качественной точности, что и достигается учитывая разносторонние аспекты социальной жизни, информация которая друг друга взаимодополняет и взаимоуточняет. Поэтому повышение точности прогноза следует представить как задачу конкретную, соотносимую с теми управленческими и стратегическими решениями, которые обслуживает и обеспечивает прогноз.

В правоприменительной практике возможно использование краткосрочных и среднесрочных прогнозов преступности и борьбы с ней, которые включают в себя «Базы для комплексного и линейного планирования: целевых программ, специальных разделов планов экономического и социального развития, комплексных (координационных) планов борьбы с преступностью. При таком подходе планы включили бы в себя в качестве обоснования анализ развития ситуации за предыдущий прогнозный цикл (с оценкой правильности ориентации работы) и прогноз за следующий цикл. Это позволило бы: оптимизировать планирование, исходя из прогнозируемых вариантов изменений преступности и возможностей воздействия на нее; конкретизировать намечаемые мероприятия по целям, срокам, кругу исполнителей, ресурсному и иному обеспечению; обеспечить разработку и реализацию их как частей единой системы, имеющей определенную перспективу» [10, с.13]. Исходя из вышесказанного, мы пришли к ряду следующих выводов:

Выводы:

1. В содержание криминологической обстановки входят состояние преступности, криминогенная ситуация, личностный криминогенный и виктимогенный потенциалы, а также другие социальные явления, имеющие

отношение к феномену преступности и связанных с нею других форм девиантного поведения. История и современное состояние преступности не позволяют относиться к этому явлению как к преходящему и искоренимому в принципе. Из этого, однако, не следует что государство бессильно, например, перед коррупцией и организованной преступностью. Наиболее положительные результаты в борьбе с этими явлениями удастся достигать в периоды социального спокойствия посредством правильного сочетания экономических, политических, организационных, правовых мер.

2. Необходимо разработать и внедрить научно-обоснованную, основанную на апробированных методиках прогнозирования систему мониторинга криминальной ситуации. Основываясь на ней, с учетом анализа отечественного и зарубежного опыта определить ту систему мер, от реализации которых можно ожидать постепенного улучшения неблагоприятной криминальной ситуации, обосновать необходимые для реализации этих мер организационно-тактические решения и финансовые затраты, а затем – объективно оценить их результативность.

3. При прогнозе надо учитывать не только ретроспективу анализируемых явлений (их фактическую, а не отчетную динамику за пять-десять предшествующих лет), но и социальную обстановку в республике. В частности, поскольку кризисная ситуация в Кыргызстане – экономическая, политическая, психологическая и т.д. – лишь постепенно будет ограничиваться стабилизационными тенденциями, можно ожидать достаточно интенсивного влияния на уровень преступности таких процессов, как нестабильность политической ситуации, безнадзорность и дезориентированность значительной части подростков и молодежи; безработица; коррупция, криминогенное воздействие теневой экономики и криминальной субкультуры и т.п.

4. Можно предположить три сценария развития криминальной ситуации на краткосрочную или среднесрочную перспективы. В основе сценария 1 лежит идея механической экстраполяции наблюдаемого явления. Сценарий 2

предусматривает максимально возможное в пределах реального преобразования наблюдаемых тенденций в благоприятную сторону (верхняя экстрема). Сценарий 3 предполагает максимально возможное видоизменение наблюдаемых тенденций в неблагоприятную сторону (нижняя экстрема). Устойчивость и взаимодействие совокупности криминогенных факторов на фоне бессистемности и неэффективности мер профилактики преступности, политики противодействия преступности в целом, не позволяют предположить оптимистичный сценарий даже в среднесрочной перспективе.

§ 2. Уголовная политика как объект комплексного прогнозирования

Весьма важными объектами прогнозирования являются уголовная политика и профилактика. Суть дела состоит в том, что они представляют собой антикриминогенные факторы и, таким образом, достаточно тесно связаны с развитием процессов криминогенной детерминации. В частности, именно вариациями в развитии уголовной политики и профилактики во многом объясняются возможные варианты в развитии хода событий.

Анализ и описание уголовной политики и профилактики как объектов прогнозирования в принципе более просты, чем аналогичные процедуры познания, осуществляемые в отношении процессов криминогенной детерминации. Но и здесь важно выделить показатели, более или менее адекватно и информативно отражающие объект. К таким показателям, в частности, относятся: состояние уголовного и обеспечивающего его законодательства, что особенно важно в настоящее время, когда проводится реформа действующего уголовного права; кадровый потенциал правоохранительных органов, и в частности ведущих служб органов внутренних дел; действительная и потенциальная эффективность профилактических мер, которая вычисляется довольно сложно, но в принципе поддается измерению на статистическом, так и на динамическом уровнях, и др.

Изложенные соображения не раскрывают, естественно, самого характера уголовной политики и профилактики как объектов прогнозирования. В то же время они достаточно наглядно, на наш взгляд, показывают необходимость прогнозирования их тенденций с целью получения всеобъемлющей картины положения дел в сфере противодействия преступности.

Термин «политика» (от греч. «polis» - город, государство) получил распространение под влиянием известного трактата Аристотеля о государстве, правлении и правительстве, который был назван им «Политика». В основе классического понимания сути политики лежит категория

совместного участия граждан в решении общих дел, т.е. в управлении государством [57, с.251].

Составной частью политики с момента возникновения государства и права является уголовная политика. Вместе с тем, само словосочетание «уголовная политика» впервые было введено в научный оборот, по-видимому, сравнительно недавно - в 1804 г., известным немецким криминалистом – «отцом» Баварского уголовного уложения 1831 г. Паулем Иоганном Ансельмом Фейербахом, основной заслугой которого специалисты считают формулирование основных принципов уголовного права [58, с.440].

Продолжающаяся более двух столетий разработка понятия уголовной политики, как показывает анализ, не позволяет говорить о том, что соответствующий термин окончательно сформировался. Понятие «уголовная политика» остается многозначным и не имеющим нормативно закреплённого определения, несмотря на то, что такие попытки неоднократно предпринимались [59, 60, 61, 62]¹.

Одним из первых развернутое определение понятия уголовной политики было дано немецким ученым Францем фон Листом в 1894 г. Уголовная политика в широком смысле по его мнению означает «совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, - оснований сообразуясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [63, с.7]. По мнению Ф.Листа ни термин «уголовное право», ни термин «карательные науки», ни термин «криминология», ни термин «пенология» не могут заменить данного понятия.

¹ К примеру, в разделе 1 положений Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы впервые нормативно закреплялось предложение разработать проект Основ государственной политики борьбы с преступностью, содержащий основные концептуальные положения деятельности органов государственной власти и управления по противодействию преступности, компетенцию Федерации, ее субъектов, органов местного самоуправления данной сфере, замысел и цели борьбы с преступностью на ближайший период.

Значительный вклад в разработку понятия уголовной политики в России внесли С.К.Гогель [64] и М.П.Чубинский [65], которые одними из первых предприняли попытку систематически описать развитие уголовно-политических воззрений. При этом уголовная политика понималась ими достаточно узко в сравнении с современным ее пониманием. Так проф. М.П. Чубинский писал, что под уголовной политикой следует понимать «ветвь науки уголовного права, призванную вырабатывать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства» [65, с.52].

Сразу после победы в России в 1917 г. социалистической революции понятие уголовной политики активно разрабатывалось Г.Ю.Маннсом, А.А.Пионтковским, Н.В.Крыленко [66], и некоторыми другими специалистами, которые также рассматривали уголовную политику как часть уголовного права.

Так, А.А.Пионтковский в 1928 году писал, что «превращение уголовной политики пролетарского государства в науку является важнейшей задачей современной марксистской теории уголовного права. Без теоретической разработки уголовной политики в наше время нельзя говорить о марксистской теории уголовного права» [67, с.61].

Значение близкое к современному понятие уголовной политики приобретает лишь во второй половине 50-х – начале 60-х гг. прошлого века в работах А.А.Герцензона и А.С.Шляпочникова, которым удалось показать, что проблемы уголовной политики далеко выходят за пределы предмета науки уголовного права [68, с.161-163; 69, с.179].

Значительный вклад в формирование современного понятия уголовной политики внесли: Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, М.М. Бабаев, Н.А. Беляев, С.В. Бородин, С.С.Босхолов, В.А. Владимиров, С.Е.Вицин, Л.Д. Гаухман, П.Ф. Гришанин, П.С. Дагель, А.Э.Жалинский, Б.Ж. Жунусов, Н.И. Загородников, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, М.П. Клейменов,

Г.Ю. Лесников, М.И.Ковалев, Б.В.Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, В.И.Курляндский, Ю.И. Ляпунов, С.В.Максимов, С.Ф. Милюков, Г.М. Миньковский, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, А.Р. Ратинов, В.П.Ревин, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская, А.Б. Сахаров, Н.А. Стручков, В.В. Орехов, А.Я.Сухарев, В.С. Устинов, А.М. Яковлев, Б.В. Ястребов, многие из которых являются школы уголовной политики, сформировавшейся в Академии МВД СССР².

Как показал выполненный нами анализ, в современных исследованиях под уголовной политикой понимается система включающая:

- совокупность идей борьбы с преступностью с использованием средств законодательства криминально-правового комплекса (уголовно-правовой борьбы с преступностью в широком значении этого понятия), включая принципы, основные направления, средства и методы такой борьбы;

- систему субъектов формирования и реализации уголовной политики;
- деятельность по борьбе с преступностью уголовно-правовыми средствами (в широком значении этого понятия), включая деятельность по формированию и реализации законодательства криминально-правового комплекса;

- собственно законодательство криминально-правового комплекса (уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, оперативное розыскное законодательство, законодательство, регламентирующее предупреждение преступности и отдельных ее видов);

- систему подготовки специалистов в области управления борьбой с преступностью.

В основе результаты этого анализа совпадают с позицией кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, в рамках которой предлагается выделять пять стадий (аспектов) организации уголовной политики: «1) концептуальный (теория уголовной политики, ее доктрина); 2)

² В настоящее время - Академия управления МВД РФ.

законодательный; 3) нормативно-программный; 4) управленческий; 5) правоприменительный» [70, с.24-25].

Вместе с тем, мы полагаем, что управленческий аспект уголовной политики в основе поглощает нормативно-программный ее аспект.

Таким образом, сегодня используется три основных значения понятия уголовной политики: 1) уголовная политика как наука, 2) уголовная политика как функция, деятельность государства [71, с.4], как составная часть социальной политики вообще [72, с.94]; 3) уголовная политика как учебный курс³.

Изучение различных точек зрения на содержание понятия «уголовное политика» в рамках каждого из этих трех значений позволяет заключить, что дискуссию о содержании данного понятия вряд можно считать завершившейся.

Так со слов профессора П.Г.Пономарева: «Под уголовной политикой понимается направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику предупреждения и сдерживания преступности путем использования правовых и неправовых средств, выражающееся в виде системы государственных директив, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных нормативных предписаний» [73, с.15].

Иного мнения придерживается проф. Л.Д. Гаухман считающий, что уголовная политика «это закрепленные в законе, соответствующие сущности социально-экономической формации и отношениям классов и слоев населения между собой и с государством и правительством направления охраны общественных отношений от преступных посягательств» [74, с.18]. Таким образом, по мнению проф. Л.Д.Гаухмана уголовная политика не может

³ Признанием самостоятельности последнего, на наш взгляд, следует считать введение в начале 80-хх гг. прошлого столетия соответствующего специального учебного курса практически во всех вузах системы МВД СССР и создание в Академии МВД СССР кафедры уголовной политики, наименование которой, сегодня, к сожалению, не сохранилось.

осуществляться «незаконными средствами», о которых пишет проф. П.Г.Пономарев.

Значительно более широкое определение уголовной политики предлагает проф. И.А.Исмаилов считающий: «Что уголовная политика представляет собой направление деятельности государства, осуществляемое на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации конкретных решений и имеющее основным назначением определение и реализацию задач, форм и содержания целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на нее), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами» [75, с.15].

Аналогичного мнения придерживается и проф. Я.И. Гишинский, полагающий, что уголовная политика может быть выражена и явно (в правовых документах), и неявно – в деятельности государства и его органов по противодействию преступности [76, с.55].

На наш взгляд, в этом определении утрачивается связь цели и содержания уголовной политики.

Дуализм современных определений понятия уголовной политики в свое время вслед за П.С.Дагелем и С.В.Бородиным был подмечен еще Г.М.Миньковским, который писал, что данный термин используется современными авторами преимущественно в двух значениях: а) широком - для обозначения задач, форм, средств, стратегии и тактики борьбы с преступностью в целом; б) для обозначения задач, форм, средств, стратегии и тактики одной из подсистем этой борьбы (наряду с профилактической), связанной с применением уголовно-правовых мер [70, с.24].

На наш взгляд, эта терминологическая неустойчивость может быть преодолена лишь посредством нормативное закрепления определений понятий «уголовная политика» (политика борьбы с преступностью средствами криминально-правового комплекса) и «политика борьбы с

преступностью» (политика борьбы с преступностью профилактическими средствами и средствами криминально-правового комплекса).

Самостоятельную научную проблему составляет вопрос о структуре уголовной политике. В научной литературе он обычно рассматривается через призму отраслевой пирамидальной модели уголовной политики, в основании которой находится уголовно-правовая политика, а вершину образует политика профилактики преступности.

Последовательные представители такого подхода к пониманию структуры уголовной политики, проф. А.И.Коробеев, проф. А.В.Усс и проф. Ю.В. Голик вслед за П.С.Дагелем, Г.М.Миньковским и Н.И.Загородниковым [77] в начале 90-х гг. прошлого века, писали, что уголовная политика - это «генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [78, с.11].

Таким образом, названные исследователи выделяют следующие части уголовной политики: собственно уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, а также криминологическую политику [79, с.10-11]. При этом следует подчеркнуть, что непрерывное развитие отраслевой структуры криминально-правового комплекса объективно ведет к необходимости пересмотра соответствующей структуры уголовной политики.

Значительно более широкий подход к определению структуры уголовной политики (проф. П.Г.Пономарев, проф. И.А.Исмаилов, и др.) допускает возможность включения в нее административной [80], и даже конституционной политики борьбы с преступностью [81, с.22].

На наш взгляд, подобный расширительный поход к определению структуры уголовной политики вряд ли оправдан. По нашему мнению, корректнее говорить не об административной (конституционной) политике

борьбы с преступностью, а об использовании административно-правовых (конституционно-правовых) средств в политике борьбы с преступностью. Данная научная коллизия возникает в результате не вполне корректного, на наш взгляд, понимания бланкетной природы уголовного закона, когда отдельные уголовно-правовые предписания (части гипотезы, диспозиции или санкции уголовно-правовых норм) могут закрепляться в нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности [82, с.220-253]. Из того, что в Конституции страны закреплено положение о недопустимости применения смертной казни к несовершеннолетним и женщинам вытекает существование не конституционной уголовной политики, а конституционного закрепления отдельных уголовно-правовых предписаний (уголовно-политических предложений).

Также можно признать уязвимым и «сверхузкий» подход к определению содержания уголовной политики, при котором она сводится к собственно уголовно-правовой политике, которая, несомненно, составляет основу уголовной политики в любом значении данного понятия, либо к политике предупреждения или устранения преступности [81, с.29].

Ближе всех, по нашему мнению к определению действительных структурных границ уголовной политики подошли сторонники взгляда на уголовную политику как функцию криминально-правового комплекса в целом. Так, по мнению проф. Л.Д. Гаухмана уголовная политика, являясь «многокомпонентной системой, состоит из ряда относительно самостоятельных подсистем, которые в совокупности комплексно воздействуют на преступность как антисоциальное явление в направлении ее нейтрализации, сокращения и вытеснения из жизни общества. К подсистемам относятся уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политика». [9, с.49]

К числу относительно обособленных частей уголовной политики, на наш взгляд, допустимо относить также оперативно-розыскную политику, воплощенную в соответствующем законодательстве, а также политику

профилактики преступности, которая до настоящего времени не получила адекватного закрепления в законодательстве КР [83]⁴.

Таким образом, основным критерием для выделения той или иной части (вида) уголовной политики в рамках структурно отраслевого подхода служит включение борьбы с преступностью (отдельными видами преступлений) в предмет правового регулирования в рамках соответствующей отрасли законодательства.

Одновременно нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что, что структура уголовной политики не исчерпывается отраслевой пирамидальной моделью. Критериями структурирования уголовной политики, как показывает анализ практики формирования и реализации уголовной политики в Кыргызской Республике являются: 1) ее *объектный состав* (воздействие на преступность в целом, отдельные ее виды и разновидности, причины и условия преступности, последствия преступности); 2) ее *субъектный состав* (органы государственной власти, уполномоченные на формирование уголовной политики; органы государственной власти, уполномоченные на реализацию уголовно-политических мер; органы государственной власти, контролирующие формирование и реализацию уголовной политики); 3) *мера конкретизации* уголовно-политического воздействия (стратегическая и тактическая уголовная политика); 4) *срочность* (постоянная, не ограниченная конкретным срок или событием уголовная политика; меры ограниченные конкретным сроком); 5) *приоритетность* формирования и реализации мер уголовной политики (первоочередные меры; последующие меры; меры, принимаемые и реализуемые при благоприятных условиях); 6) *гуманитарное содержание* мер уголовной политики (репрессивные; контрольные; профилактические).

4 Более благоприятной в данном отношении представляется нам ситуация в РФ, где действует несколько федеральных законов, направленных на профилактику преступлений. См., например: Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 года №120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999. №26. Ст. 3177; 2004. №35. Ст. 3607.

В научной литературе можно встретить и иные критерии структурирования уголовной политики [84, с.117-125], которые предлагаются в зависимости от характера решаемых научных и практических задач борьбы с преступностью. Применительно к условиям современного Кыргызстана ключевыми для формирования новой – адекватной политическим и экономическим реалиям модели уголовной политики и соответственно наиболее ценными для исследования нам представляются гуманитарное содержание уголовной политики и ее субъектный состав.

В настоящее время политическое руководство Кыргызстана оказалось перед сложным выбором: немедленно изменить гуманитарное содержание национальной уголовной политики, объявив ее реальными приоритетами (сопроводив это соответствующими изменениями в республиканском бюджете) профилактику преступлений и контроль над преступностью или делать это постепенно по мере создания необходимой экономической и нравственной основ. На это могут уйти десятилетия, а возможно и столетия. Необходимо также учитывать, как справедливо замечает проф. С.В.Максимов, что «кризисы принуждают государства «вспоминать» о старых, грубых рецептах лечения социальных болезней. Устрашение – скрытое или явное, осознанное или бессознательное – в таких случаях привычно открывает перечень лекарств» [85, с.131]. В этой связи, как это ни парадоксально, для поддержания демократических преобразований, новая власть, скорее всего, еще некоторое время будет вынуждена сохранять уголовную репрессию на достаточно высоком уровне. На вынужденность этой меры указывают периодически возникающие на фоне президентской избирательной кампании массовые беспорядки, массовые грабежи и самоуправство.

Крайне сложную для решения проблему представляет собой задача формирования круга субъектов формирования и реализации уголовной политики, адекватного задачам гуманитарной реформы национальной

уголовной политики⁵. Ключевыми направлениями решения этой задачи нам представляются:

- расширение круга органов государственной власти и местного самоуправления, имеющих функцию предупреждения преступлений в качестве основной или одной из основных своих внешних функций и
- развитие негосударственного сектора субъектов профилактики преступлений и контроля за деятельностью правоохранительных органов.

Для решения этих частных задач, на наш взгляд, потребуются законы «О профилактике преступлений» [86, с.5-24] и «О негосударственных организациях в сфере борьбы с преступностью». Считаем также полезным воспользоваться в этой связи российским опытом создания Общественной палаты, которая имела бы функцию контроля над нормотворческой деятельностью исполнительных (в том числе правоохранительных) органов власти по реализации мер уголовной политики.

Однако, даже если на в короткие сроки в Кыргызстане будет создана правовая база для принципиально иной модели уголовной политики саму «пирамиду» уголовной политики вряд ли удастся быстро повернуть так, чтобы в ее основании в реальности оказалась профилактика преступлений, а на вершине уголовный закон.

Уголовно-правовая политика будет еще длительное время занимать доминирующее положение в содержании уголовной политики.

Однако совершенно очевидно, что цели уголовно-правовой политики должны быть трансформированы так чтобы:

- во-первых, максимально сузить круг деяний, которые сегодня признаются преступлениями, хотя и утратили общественную опасность или должны ее утратить в связи с планируемыми демократическими преобразованиями (проблема декриминализации);
- во-вторых, расширить круг преступлений за счет общественно опасных деяний, совершаемых чиновниками (максимально конкретизировав формы

⁵ Подробно этот вопрос рассматривается в параграфе 2 главы 2 диссертации.

общественно опасного коррупционного поведения и иных должностных злоупотреблений) (проблема криминализации);

- в-третьих, понизить уровень репрессивности уголовно-правовых мер, применяемых к лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести (проблема депенализации);

- в-четвертых, усилить наказуемость тяжких и особо тяжких преступлений (прежде всего совершаемых в составе организованных групп и сопряженных с коррупцией) (проблема пенализации);

- в-пятых, ограничить пределы судебного усмотрения при назначении наказаний за преступления во всех случаях, когда это возможно (прежде всего, за счет официального толкования так называемых оценочных признаков преступлений).

В этой связи резко возрастает заинтересованность государства в стимулировании научных исследований, которые бы позволили бы получить разностороннюю и точную информацию, необходимую для принятия правильных решений на различных уровнях руководства системой борьбы с преступностью.

Развитие научных основ уголовной политики даст толчок для внедрения, который в дальнейшем поможет точному разделению функций в правоохранительных органах [87, с.7].

В теории права концептуальный уровень уголовной политики включает в себя разработку теоретических основ уголовной политики [88]. Что характерно в данное время в Кыргызстане нет нормативно утвержденной государством концепции уголовной политики. Некоторые положения, входящие в уголовную политику, есть в законах, реализующихся на борьбе с преступностью и в других нормативно-правовых актах, а также в документах должностных лиц Кыргызстана. Существенная часть элементов концепции уголовной политики получила, отражение в концепциях правоохранительных органов, в частности - в органах национальной безопасности, в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков и некоторых иных документах

[89]. Например, применительно к уголовно-правовой политике, принятию уголовного закона должно предшествовать изучение его социальной эффективности, которое базируется на научно-обоснованном прогнозе этой эффективности. Уголовно-правовой запрет должен быть социально обусловлен, а криминализируемое деяние действительно должно обладать общественной опасностью. Однако для решения этих проблем мало иметь доктринальные оценки. Необходимо создать механизм, обязывающий органы государственной власти, принимающие решения уголовно-правового значения, считаться с экспертными оценками.

Та часть уголовного управления, что находится на уровне законодательства, выражается в создании и развитии базовых элементов права, предназначенных для реализации плана уголовного законодательства. Отсюда следует, что она является ключевым элементом при формировании права [90, с.49]. В частности, отнесение определенных противоправных действий к области уголовной или не уголовной служит отражением степени ее законодательности. Определение действий как незаконных, создание разнообразных видов наказаний являют собой манифестацию проведения уголовного управления согласно соответствующим законодательным средствам.

Базовый закон Республики Кыргызстан и главные направления уголовного управления влияют на создание документации разных слоев политики таким образом, что он имеет место на нормативно-программном уровне. Таковыми документами, безусловно, являются планы по противодействию противоправным действиям на государственном уровне [91]⁶.

Приведение в действие уголовного контроля содержит в себе развитие практики правоприменения в области противодействия незаконной

6 См., например: Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией, контрабандой и экономическими преступлениями в Кыргызской Республике на 2001 - 2003 годы, утвержденная Постановлением Правительства КР от 3 марта 2001 года № 81 // Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.

деятельности вообще и в частных формах, действия, предназначенные для усиления системы борьбы с ней.

Прямое правоприменение служащих системы правоохранения в области приведения в действие уголовного контроля является уровнем правоприменения. Кроме того, данный уровень контроля над незаконной деятельностью напрямую взаимосвязан с уголовным законодательством. В сфере отнесения противоправных деяний к разным категориям, данный контроль базируется на универсальных методах, базовых идеях справедливости и логики. Практически она выражается в определенном комментарии, который могут обеспечить соответствующие государственные службы. Ключевую ролью обладает система взысканий и санкций против преступников. Данная система должна служить выражением индивидуального подхода к определению наказания. В то же время она сохраняет некоторые общие черты, присущие законодательной практике государства.

Нужно понимать, что наполнение уголовного контроля определяется конкретными и абстрактными обстоятельствами. Закон, служащий выражением уголовной политики, наряду с прочими законами в сфере борьбы с незаконной деятельностью, а также практика правоприменения относятся к конкретным обстоятельствам. В то же время, понятна также абстрактная природа уголовно-политического постановления. Если личный подход в уголовном контроле распространен, становится реальной угрозой реализации планов без оглядки на важные обстоятельства, что грозит применением крайних методов: от «охоты на ведьм» до уголовно-политической анархии. В силу того, что принимающие решения люди, как и все прочие, могут быть подвержены эмоциональным перепадам, полностью избавиться от обусловленных человеческим фактором недостатком законотворчества, едва ли представляется возможным. Отсюда следует, что суть уголовного контроля зависит как от конкретных, так и от абстрактных обстоятельств.

Наполнение уголовного контроля выражается в его базовых идеях, закрепленных в нормативных актах. Данные идеи отражены Базовом законе Кыргызской Республики, законах, влияющих на область противодействия незаконной деятельности, или следуют из них и считаются необходимыми для всех, имеющих отношение к уголовному контролю. В силу того, что идеи уголовного контроля являются достаточно универсальными, все прочие решения должны разрабатываться с оглядкой на них. Соотнесенность с ними, их ориентация на выполнение задач противодействия незаконной деятельности везде – в государственном и меньшем масштабе – обязательный элемент в любой правозащитной деятельности, лишь тогда решение должно определяться как правильное. И напротив, противоречащее им постановления следует полагать не имеющим никакой силы. В силу этого, всем субъектам права следует иметь в виду данные принципы. Отсюда следует, что на основе базовых идей уголовного контроля следует создавать и совершенствовать законодательную базу и принимать прочие релевантные решения [92, с.17].

Под базовыми идеями уголовного контроля нужно понимать: приверженность закону; универсальность; соотношение между желаемым и возможным; планирование действий с учетом возможных изменений в будущем; бережное отношение к репрессивному аппарату. Данные идеи в достаточной степени описаны прежними исследователями, благодаря чему нет необходимости делать это повторно [87, 93, 94, 95].

Данные идеи, в их сочетании формируют систему. Хотя они и лишены подчиненности друг другу, они все же находятся в тесной взаимосвязи. Среди идей не так просто выделить основные и дополнительные. В своей совокупности они формируют основу уголовного контроля, дают взаимосвязанность, системность, устойчивость, осмысленность его решений и развивают его практическое применение [96, с.21].

К наполнению уголовного управления наряду с уже отмеченными выше идеями относят правовое, организационно-ресурсное обеспечение,

информирование, а помимо того установки по борьбе с незаконной деятельностью.

Правовое обеспечение уголовного контроля является, главным образом, представленной на данный момент совокупностью законов, применяемых его авторами для достижения определённых государством целей [97, с.25]. Уголовный контроль, в первую очередь, начинает развитие базовых элементов права в области борьбы с незаконной деятельностью, даёт определение важнейшим тенденциям деятельности по развитию законов, а во вторую очередь, реализуется в пределах применения права государством в правовом поле, следовательно, реализуется лишь в соответствии, и с целью выполнения целей государства в области права, для обеспечения противодействия незаконной деятельности. Выход вне правового поля чреват известными в истории уголовными репрессиями и массовыми. Наше исследование показало, что могут быть выделены несколько аспектов на законодательном уровне, посредством которых формируется и реализуется его уголовной политики: базовые, основные и обеспечивающие.

Конституция Кыргызской Республики, конституционные и иные законы, устанавливающие задачи, компетенцию, структуру различных органов власти – субъектов уголовной политики – относятся к *базовым* нормативным правовым актам. К их числу относятся законы: «О Правительстве Кыргызской Республики» (2003), «О Верховном суде и местных судах» (2003), «О Конституционной палате при Верховном суде Кыргызской Республики» (2011), «О чрезвычайном положении» (1998), «О национальной безопасности» (2003 г.), «Об органах внутренних дел» (1994), «О прокуратуре Кыргызской Республики» (1993); «Об органах национальной безопасности в Кыргызской Республике» (1994).

К числу подзаконных нормативных правовых актов, имеющих уголовно-политическое значение политики, относятся указы Президента КР, постановления Правительства КР, утверждающие доктрины, программы и положения концептуального характера. В частности, к ним, на наш взгляд

можно отнести: «Концепцию национальной безопасности Кыргызской Республики», утвержденную Указом Президента КР от 13 июля 2003 года УП № 221; Указ Президента КР от 10 сентября 2001 года УП № 268 «Об упорядочении координационной деятельности правоохранительных органов» и др.

«Конституция Кыргызской Республики состоит из социальных, политических и экономических ценностей, которые обеспечивают правовое государство и гражданское общество в Кыргызстане, определяют систему и функцию государственной власти, формируют полномочия ее различных ветвей и стадий, а также правовой статус человека и гражданина». Из чего следует, что в большинстве конституционных норм, входят важнейшие положения, об уголовной политике. В дальнейшем эти положения осуществляются в законах, включая УК, УПК и УИК КР, нормативных правовых актах.

Исходя из Конституции, политическая деятельность в Кыргызстане осуществляется Президентом и высшими органами государственной власти.

Ко второму составу можно отнести отдельные законодательные и нормативно-правовые акты, использующиеся в борьбе с преступностью или отдельными ее видами. Основу данной группы составляют УК, УПК и УИК КР.

К данной группе, на наш взгляд, следует также отнести законы, нормативные правовые акты КР, на содержание которые оказали существенное влияние аналогичные модельные законы и законопроекты, принятые Межпарламентской Ассамблеей СНГ, законы и законопроекты Российской Федерации: «Об оперативно-розыскной деятельности» (1998); «О порядке и условиях содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению и обвинению в совершении преступлений» (2002); «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» (2002); «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (1998); «О борьбе с терроризмом» (1999); «Об органах и учреждениях уголовно-

исполнительной системы (2003) и др. Отличительной чертой этого состава является прямое отношение направленное на борьбу с преступностью и различными ее видами.

К третьему составу соответствующих нормативных правовых актов, могут быть отнесены: Кодекс КР «Об административной ответственности» (1998); Таможенный кодекс КР (2004); Налоговый кодекс (1996); законы: «О пожарной безопасности» (1996); «Об оружии» (1999); «О частной детективной и охранной деятельности в КР» (1996). В этот состав тоже входят указы Президента, например, Указ Президента КР от 10 сентября 2001 г. № УП-268 «Об упорядочении координационной деятельности правоохранительных органов» и некоторые другие.

Правовое регулирование уголовной политики основывается на всех трех указанных выше составах. Нормативные, правовые акты правоохранительных органов, выступающих в качестве субъектов уголовной политики (приказы, распоряжения и указания, некоторые из них были обозначены ранее, так как они показывают законодательные аспекты реализации уголовной политики в соответствующее время, в конкретном месте и в конкретной ситуации. Правовое обеспечение включает в себя и совокупность локальных правовых актов, издаваемых и реализуемых правоохранительными органами в пределах их компетенции, чаще всего в виде реакции на сложившуюся ситуацию

Важно в правовой реализации уголовной политики Постановления Конституционного Суда КР (до мая 2010 г.) в соответствии положениям Конституции тех или иных норм УК, УПК, УИК КР, других законов и нормативных актов; а также разъяснения Верховного Суда КР по уголовным делам.

В связи с тем, что Кыргызстан придерживается общепризнанных норм международного права (ч.3 ст.12 Конституции), к этому также можно отнести и многочисленные международно-правовые документы: нератифицированные договоры и конвенции, парафированные

межправительственные соглашения, резолюции стандарты, имеющие рекомендательный характер и посвященные вопросам международного сотрудничества в борьбе с преступностью⁷.

Само понятие «политика» предполагает управление этими процессами. Организационное обеспечение уголовной политики включает в себя наиболее выгодные функции при разработке и реализации уголовной политики, в итоге, создание улучшенной системы, создающей действия противоправные преступности.

Для полной и эффективной реализации уголовной политики необходима система правоохранительных органов с четкой, многоуровневой координацией. При этой реализации необходим системный подход, включающий в себя помимо правоохранительных органов, органы местного самоуправления, общественные, религиозные объединения и так далее.

В Кыргызстане функция координации мер реализации уголовной политики фактически возложена на прокуратуру. Так, в целях координации деятельности правоохранительных органов республики, прокуроры созывают координационные совещания с участием руководителей министерств, административных ведомств, иных органов исполнительной власти по вопросам соблюдения законности, создают специальные группы, проводят проверки различных источников в деле укрепления законности и правопорядка [100].

В настоящее время состояние координации и взаимодействия субъектов реализации уголовной политики далеко от совершенства, что подтверждается практикой правоохранительной деятельности. Очевидные провалы в противодействии преступности в течение последних десяти лет, по нашему мнению, отчасти обусловлено крайне низким уровне координации действий правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

⁷ Ратифицированные конвенции и договоры, подписанные межправительственные соглашения в сфере борьбы с преступностью относятся к группе основных правовых средств, посредством которых формируется и реализуется уголовная политика, ее международно-правовая составляющая.

Слабое и несвоевременное ресурсное обеспечение субъектов уголовной политики самым непосредственным образом сказывается на неэффективности проводимой политики. По всей видимости, нет ни одного субъекта уголовной политики обеспеченного достаточными финансами. Дефицитное финансирование имеет место в системе органов внутренних дел. Благодаря поддержке Всемирного банка лучше обеспечена лишь судебная система. Имеющиеся проблемы требуют еще больших усилий и выделения адекватных ресурсов для создания действенно независимой судебной системы как в финансовом, так и политическом отношениях [101].

Как показало выполненное нами исследование, одной из причин низкой эффективности уголовной политики Кыргызской Республики является ее недостаточное информационное обеспечение. Нетрудно догадаться, что уголовная политика, основанная на нерепрезентативных данных о состоянии преступности, обречена на провал. Значение надлежащего информационного обеспечения трудно переоценить, т.к. без достоверной информации невозможно эффективно управлять процессами в системе уголовной юстиции. Мы присоединяемся к утверждению С.С. Босхолова о том, что «в качестве главной и основной цели информационного обеспечения уголовной политики можно выделить предоставление объективной информации о состоянии безопасности социальных ценностей, находящихся под охраной уголовного закона, эффективности предупреждения, профилактики преступлений и применения уголовного законодательства, создание условий для оптимального управления этой деятельностью» [62, с.179].

Уголовная политика, и принимаемые на ее основе стратегические решения, направлены на максимальное снижение уровня преступности. До той степени, пока она не перестанет быть угрозой общественной и национальной безопасности. Основной задачей, стоящей перед уголовной политикой государства, является сокращение преступности, ликвидация причин и условий ее возникновения. При этом, уголовный закон не является единственным рычагом при решении такой сложной социально-

экономической проблемы, как преступность. К сожалению, до сих пор большинство отечественных правоприменителей и политиков полагает, что преступность можно и нужно «искоренить», а на уголовный закон возлагаются чрезмерно большие надежды о возможности эффективно предупреждать преступления. Эти подходы, оставшиеся еще с советских времен, чрезвычайно живучи в правосознании субъектов уголовной политики. Поэтому в нормативных правовых актах о противодействии преступности до сих пор используются термины типа «борьба с преступностью», в то время как ряд криминологов убедительно доказали несостоятельность этого термина. Характеризуя дефекты парадигмы «борьба с преступностью», проф. С.С. Босхолов пишет: «Целевая установка на «борьбу» с преступностью представляется негативной еще и потому, что она изначально не требует объективного, а тем более критического, анализа криминологической обстановки и результатов деятельности органов уголовной юстиции. Она содержит в себе потенциальную опасность возврата на уже пройденный нашим обществом путь раскручивания маховика уголовной репрессии» [62, с.40].

Проф. Д.А. Шестаков справедливо отмечает: «от этого термина веет безнадежностью, ибо борьба связана со стремлением к победе, т.е. к уничтожению преступности, к «полной ее ликвидации», что является заведомо невыполнимым» [102, с.144]. С учетом кризиса правоохранительной системы, связанного, в первую очередь, с оттоком квалифицированных кадров, слабым материально-техническим обеспечением, органам уголовной юстиции в лучшем случае под силу задача противодействия преступности и ее минимизации.

Сокращение преступности обуславливается в основном ростом правосознания граждан, их материальной удовлетворенностью и различными факторами, как социальных, так и экономических проблем. Из этого следует, что главной функцией уголовной политики является выявление и

своевременная работа с причинами и условиями, которые способствуют развитию преступности, с целью обеспечения общественной безопасности.

Выводы:

1. Продолжающаяся более двух столетий разработка понятия уголовной политики не позволяет говорить о том, что соответствующий термин окончательно сформировался. Понятие «уголовная политика» остается многозначным и не имеющим нормативно закреплённого определения в законодательстве Кыргызстана.

2. Под уголовной политикой (применительно к целям настоящего исследования) мы понимаем деятельность государства и уполномоченных законом институтов гражданского общества, направленную на предупреждение, контроль и наказание за преступления, возмещение вреда причиненного преступлениями с целью снижения общественной опасности и распространенности преступлений, замедления темпов прироста преступности, уменьшения и максимального полного возмещения вреда, причиненного преступлениями.

3. Содержание уголовной политики неоднородно. Сложная структура уголовной политики, как показывает анализ практики формирования и реализации уголовной политики включает следующие элементы: 1) *отраслевой состав* (уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-исполнительная политика, оперативно-розыскная политика, политика предупреждения преступности); 2) ее *объектный состав* (воздействие на преступность в целом, отдельные ее виды и разновидности, причины и условия преступности, последствия преступности); 3) ее *субъектный состав* (органы государственной власти, уполномоченные на формирование уголовной политики; органы государственной власти, уполномоченные на реализацию уголовно-политических мер; органы государственной власти, контролирующие формирование и реализацию уголовной политики); 3) *мера конкретизации* уголовно-политического воздействия (стратегическая и тактическая уголовная политика); 5)

срочность (постоянная, не ограниченная конкретным сроком или событием уголовная политика; меры ограниченные конкретным сроком); 6) *приоритетность* формирования и реализации мер уголовной политики (первоочередные меры; последующие меры; меры, принимаемые и реализуемые при благоприятных условиях); 7) *гуманитарное содержание* мер уголовной политики (репрессивные; контрольные; профилактические)

4. Ключевыми направлениями уголовно-политической реформы в краткосрочной перспективе должны стать: 1) расширение круга органов государственной власти и местного самоуправления, имеющих функцию предупреждения преступлений в качестве основной или одной из основных своих внешних функций; 2) развитие негосударственного сектора субъектов профилактики преступлений и контроля за деятельностью правоохранительных органов.

Глава 3. Комплексное прогнозирование и перспективные направления уголовной политики

§ 1. Прогнозирование и вопросы правотворчества в сфере противодействия преступности

Нормы уголовного закона, устанавливающие преступность и наказуемость того или иного поведения, оказывают влияние на содержание прогноза так как, основным объектом исследования прогноза является природа преступности во всех ее формах. Изменения и дополнения в уголовное законодательство, с точки зрения прогноза, должны отвечать требованиям дифференцированной и более справедливой уголовной политики.

Очевидно, что определенное влияние на состояние и тенденции развития преступности и связанных с ней явлений, наряду с другими общими и специфическими факторами, оказывает нормативно – правовой фактор, т.е. состояние правового регулирования общественных отношений, связанных как непосредственно с совершаемыми преступлениями, так и с их причинами и условиями, а также с государственно – правовым реагированием на преступность.

Соответственно можно выделить три группы правовых норм, подлежащих учету при прогнозировании преступности и планировании мер по борьбе с ней: 1) определяющие круг преступных и наказуемых деяний; 2) регулирующие направления и порядок деятельности по борьбе с преступностью; 3) регулирующие правомерное поведение граждан, деятельность государственных органов и общественных организаций.

Влияние этих норм неоднозначно: одни оказывают непосредственное влияние на преступность, другие воздействуют на нее через опосредующие звенья, а третьи – преимущественно влияют на статистическую картину преступности. Конечно, говоря так, мы понимаем, что законодатель «не

придумывает» преступления, а только дает соответствующее нормативное описание существующих общественных отношений, точно так же, как и декриминализируя деяния, он не устраняет предусмотренные законом деяния, а либо фиксирует уже происшедшее их исчезновение, либо производит переоценку общественной опасности деяний в сторону ее снижения [103, с.43].

Определяя круг запрещенных и наказуемых деяний, уголовный закон действует как своего рода социальной ориентир в поступках граждан. При этом речь идет не только об устрашающем воздействии содержащейся в законе угрозы наказания, но и об информационно – ориентирующем значении само по себе факта выраженной в уголовно-правовом запрете отрицательной оценки государством того или иного поступка.

Следует отметить, что влияние правовых норм на поведение людей сказывается в социально значимых масштабах, как правило, по происшествии определенного времени с момента принятия нормативного акта. Так, регулятивные нормы, устанавливающие новые правила правомерного поведения, воплощаются в фактические общественные отношения лишь по истечении времени, необходимого для психологического привыкания граждан к этим правилам, для выработки оптимальной процедуры совершения предусматриваемых законом действий, установления определенной правоприменительной практики.

Что же касается механизма и временных рамок регулятивного воздействия уголовного закона на поведение людей, то они обладают рядом особенностей.

Нормы, устанавливающие или значительно усиливающие наказание за преступления, по своей природе имеют краткосрочный эффект. Установлено, что осознание наказания за содеянное в сознании преступника со временем слабеет и сходит на нет. Таким образом, учитывая новые уголовно – правовые запреты при прогнозировании преступности, следует исходить из того, что в первоначальный период они могут вызывать некоторое снижение реальной

преступности, сопровождающееся, однако, определенным первоначальным ростом показателей в статистике. К таким последствиям (только менее отчетливо выраженным) может приводить увеличение размеров санкций уголовно – правовых норм без изменения содержания самих запретов. [9, с.43-47]

Несколько иные последствия вызывает изменение диспозиций уголовно – правовых норм, связанное с выведением за рамки состава преступления тех или иных обязательных признаков с целью расширения пределов действия нормы. Поскольку такое решение предлагается, как правило, в связи с тенденцией роста числа преступлений определенного вида, не следует надеяться на то, что новые нормы окажутся эффективнее, нежели ранее действовавшие, и сами по себе смогут переломить эту тенденцию. Они смогут привести к увеличению числа факторов, учитываемых в уголовной статистике и влекущих применение уголовно – правовых мер, но никак не увеличат и не уменьшат число фактически совершаемых общественно опасных деяний.

При анализе влияния, оказываемого уголовным законодательством на тенденции преступности, следует обратить внимание еще на ряд положений, связанных со «склонностью» преступности к самовоспроизводству.

Во – первых, включение в закон новых норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие большой общественной опасности, но относительно распространенные в обществе, может привести к росту рецидивной преступности (особенно если за их совершение наступает наказание в виде лишения свободы).

Во – вторых, с расширением уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, сопряжено измельчание «образа преступника» в глазах населения. На практике, в обыденном понимании человека, возможно стирание грани между допустимым, разрешенным и запрещенным законом. Зачастую мы сталкиваемся с тем, что запрещенное законом становится жизненной

повседневностью и теряет прежнее значение в общественном сознании. Данное поведение опасно тем, что оно приводит к более легкому отношению к более тяжелым преступлениям. Поэтому можно ожидать, что через определенный (возможно, значительный) период времени на общем фоне роста малозначительных преступлений возможен рост и более тяжких преступлений. [9, с.64-68]

В – третьих, стремление повлиять на преступность с помощью уголовно – правовых мер приводит к более активному использованию и законодателем, и практикой так называемых норм с «двойной превенцией», назначение которых состоит (в соответствии с принятой концепцией) в том, чтобы, обеспечивая неотвратимость наказания за менее опасные преступления, предупреждать более тяжкие. Представляется, однако, что действие таких норм отнюдь не столь однозначно. Некоторые из них фокусированы на детерминанты преступного поведения, то есть причины и условия, другие же направлены на неустойчивого субъекта посягательства. В этой связи, первые меры способны создавать долговременный и позитивный криминологический превентивный эффект, другие же, как правило, не отличаются эффектом устойчивого предупредительного воздействия. Таким образом законодатель стимулировал усилия правоохранительных органов по применению различных уголовно – правовых мер в этой сфере. Соответственно при прогнозировании возможных изменений в характеристике преступности и состоянии мер борьбы с ней следует иметь в виду возможность увеличения статистических показателей преступности благодаря упрощению реагирования на нее.

Определенное влияние на преступность и ее статистическую картину оказывают и изменения в содержании норм, регламентирующих организацию функционирования правоохранительных органов.

«Например, нормы, устанавливающие штатную численность различных служб и подразделений, отчетные показатели и оценочные критерии их работы, уровень индивидуальной нагрузки работников». [9, с. 15]

При этом изменения, затрагивающие организационно – штатное расписание служб, осуществляющих преимущественно профилактические функции (отделы общего надзора прокуратуры, службы охраны общественного порядка, участковых инспекторов, паспортная служба и др.), в зависимости от характера этих изменений приводят к корректировке прежде всего фактической картины преступности по соответствующим направлениям, тогда как изменения в штатной численности служб, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, влияют прежде всего на корректировку статистических данных о преступности. И хотя конкретное содержание этих изменений невозможно определить простым умножением средней нагрузки одного оперуполномоченного или следователя на число работников соответствующего профиля, их тенденцию можно прогнозировать с весьма высокой степенью вероятности. Разумеется при этом нельзя упускать из виду, что фактическая и статистическая картины преступности жестко коррелируют между собой.

Существенное влияние на прогнозное описание процессов происходящих в преступности и в деятельности по борьбе с ней оказывает содержание нормативных (отчетных) критериев и показателей оценки деятельности правоохранительных органов. Как справедливо отмечается в литературе: «Оценка работы органов внутренних дел по числу совершенных (а точнее, зарегистрированных) преступлений приводит к тому, что соответствующие отчетные показатели формируются не с учетом реальных изменений в преступности, а на основе показателей прошлого отчетного периода, чтобы не были допущены существенные колебания ни в ту, ни в другую сторону. Таким же образом влияет на изменения статистической картины преступности выступающая в качестве критерия оценки деятельности ведущих служб органов внутренних дел раскрываемость преступлений. Ориентируясь на него, некоторые руководители начинают «подправлять» отчетные показатели, внося тем самым изменения в

фактически имеющие место данные о состоянии и структуре преступности» [9, с. 19-22].

С учетом приведенных соображений нетрудно предположить, что совершенствование нормативных показателей оценки деятельности органов внутренних дел может привести (особенно на первых порах) к изменению в данных о преступности – увеличению числа зарегистрированных преступлений. Возможный рост в первый год (не связанный с ростом фактической преступности) в дальнейшем будет сдерживаться, так как приблизится к реальному состоянию дел.

Достаточно полный и точный учет преступлений возможен, на наш взгляд, не благодаря выделению специальной относительно независимой службы или органа, ответственного за эту работу, а на основе четкого разграничения правовых и организационных последствий постановки преступления на учет. Иначе говоря, картина преступности может приблизиться к реальной лишь в том случае, если регистрация преступлений не будет в обязательном порядке связываться с возбуждением уголовного дела и привлечением конкретного лица к уголовной ответственности, если уже при накоплении информации будут четко разграничиваться и фиксироваться в определенных пределах организационно-управленческие и правоприменительные задачи.

И конечно же, улучшение регистрационной дисциплины способно будет оказать положительное влияние на обеспечение неотвратимости ответственности, а через нее – на состояние преступности.

Наиболее сложный характер имеют зависимости между состоянием борьбы с преступностью и содержанием отраслей права и преимущественно регулятивной направленности. Нормы и предписания гражданского, трудового, финансового права устанавливают пределы и формы правомерного поведения либо определяют (в том числе посредством уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией) круг нарушений,

влекущих правовую ответственность, что не может не сказаться на трактовке понятия преступного поведения.

При прогнозе тенденций преступности надо учитывать и последствия, которые могут возникать в случае расширения или сужения сферы бланкетности в уголовно-правовых нормах. Чем шире круг норм, используемых при применении бланкетных диспозиций, чем меньше число запрещаемых ими деяний, тем менее точным может быть прогноз о возможных изменениях преступности тем в большей степени его обоснованность будет здесь зависеть от ориентированности правоприменительной практики.

Происходящий сейчас процесс перехода в концепции правового регулирования от принципа «можно все, что разрешено законом» предполагает и распространение последнего на действие норм с бланкетной диспозицией в уголовном праве. Это создаст в перспективе большую устойчивость правового положения личности, ограничит сферу уголовной репрессии, а следовательно, приведет и к снижению уровня преступности. Правда, при этом необходимо помнить, что действие норм, содержащих разрешения общего характером, в значительной степени может сдерживаться отсутствием механизма осуществления предоставляемых прав (как это было, например, с реализацией конституционных норм о правах граждан на возмещение вреда и на обжалование в суд действий должностных лиц), в связи с чем влияние этих норм на преступность (особенно в первые годы после их принятия) может оказаться весьма незначительным.

Наконец, говоря об учете в прогнозировании правового фактора, следует остановиться на рассмотрении норм гражданского, трудового, административного права, норм общественных организаций, устанавливающих ответственность за те или иные социально вредные деяния.

Интенсификация использования указанных норм может привести к уменьшению числа преступлений, поскольку демонстрация реальной

неотвратимости ответственности на примере данных отраслей права может поколебать надежду того или иного неустойчивого лица уйти от ответственности.

Использование охранительных норм неуголовно-правового характера может определенным образом повлиять и на практику применения уголовно-правовых мер воздействия, поскольку в ряде случаев они могут применяться взамен уголовно-правовых норм при совершении преступлений либо выступать в качестве альтернативы уголовно-правовым нормам, устанавливающим ответственность за аналогичные или пограничные (хулиганство, мелкое хулиганство) деяния, а иногда (например, при наличии административной преюдиции) приводит к накоплению фактов правонарушающего поведения, могущих перерасти в преступления.

Влияние нормативно-правового фактора на преступность и на характер борьбы с ней не является абсолютным. Только в случае, когда правовая норма основывается на соответствующих экономических, социальных, социально-психологических, организационных предпосылках, она может оказать существенное влияние не только на статистическую картину преступности, но и на фактическое ее состояние [103, с.45].

Суть реформирования уголовного законодательства и предлагаемых новелл, как считает большинство ученых, сводится к следующему:

- попытке заполнить пробелы в уголовно-правовой охране соответствующих благ, интересов и сформировавшихся на их основе общественных отношений (как действительных, так и прогнозных);
- попытке ужесточить наказание и удовлетворить повышенные карательные притязания населения, не без популистических лозунгов со стороны законодателей [104, 105, 106, 107, 108].

Как отмечает К.М. Осмоналиев: «При внесении поправок в уголовное законодательство имеет место эффект преувеличения надежд на уголовный закон как на средство эффективного разрешения социально важных проблем без учета регулятивных и охранительных возможностей других отраслей

права, организационно-управленческих возможностей органов уголовной юстиции и уголовной политики». [9, с. 21]

При уголовно-политическом прогнозировании, как, впрочем, и пенитенциарном, а также уголовно-правовом и криминологическом прогнозировании важно учитывать различное, рациональное соотношение репрессии и превенции.

Согласимся с мнением, что «при всем оправданном стремлении к гуманизации уголовной политики никто не собирается отказываться от репрессивных форм и методов воздействия на преступность и преступное поведение, как наиболее эффективного метода ответа государства на уголовно-правовой конфликт. Общеизвестно, что репрессия - веками испытанное средство борьбы с преступностью. Она с далеких времен и по сегодняшний день не только отождествляется с понятием устрашение, но и ставит задачу исправления лиц, нарушивших уголовный закон. Однако надо подчеркнуть, что существующая система наказаний и уголовно-исполнительных учреждений сегодня мало способствует, если вовсе не способствует, целям наказания, в частности, перевоспитанию преступников, что, так или иначе, вытекает из содержания уголовного и уголовно-исполнительного кодексов». [9, с. 22]

Исследования показывают, что в условиях переполнения мест лишения свободы ухудшаются результаты ресоциализации осужденных, обеспечения их работой, элементарными бытовыми условиями и удобствами, соблюдения прав человека. Соответственно увеличиваются рецидив и число преступлений в местах лишения свободы, массовые беспорядки, сопряженные с захватом заложников из числа персонала уголовно-исполнительных учреждений. В.В. Лунеев в этой связи с сожалением пишет, что ИТК, тюрьмы и следственные изоляторы превратились в настоящие университеты преступности. [55, с.17]

Оптимизировать рост заключенных можно лишь последовательно просчитанной, спрогнозированной, рациональной уголовной и

пенитенциарной политикой, путем применения и расширения альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания в отношении лиц, совершивших преступления с невысокой степенью общественной опасности.

Несмотря на указанное положение дел в системе наказаний и их исполнения, справедливости ради надо отметить, что доживают свой век смертная казнь, формальное назначение наказания судами по принципу «золотой середины» в альтернативных санкциях, меняется общий взгляд законодателя и ученых на цели и задачи репрессии, на реализацию принципа справедливости в ходе применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Наказание по действующему уголовному закону есть мера государственного принуждения, которая применяется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В свою очередь, Уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Поэтому совершенно справедливо и объективно то, что государство и законодатель сегодня относятся с недоверием к институту лишения свободы как средству борьбы с преступностью, и поэтому систематически, по мере возможности выводят за рамки лишения свободы одну категорию субъектов за другой. Проведенный анализ количественно-качественных характеристик уголовно-правовых санкций, их динамики и соотношения позволяет нам констатировать этот тезис.

Эффективность уголовного законодательства напрямую зависит от того, насколько оно адекватно отражает общественно опасные реалии и их возможные тенденции на обозримое будущее. Логико-правовой метод конструирования уголовных и пенитенциарных законов крайне недостаточен для динамичного и прагматического общества, которое ныне формируется. В основе их, прежде всего, должен лежать глубокий и

всесторонний анализ общественно опасных реалий (криминализованных и некриминализованных, учтенных и латентных), относительно надежный прогноз их возможного развития в обозримом будущем, хорошо просчитанные социальные модели всей совокупности последствий их криминализации или отказа от нее. Только при опоре на эту фактическую и прогнозируемую реальность могут быть успешно реализованы логико-правовые методы уголовно-правового творчества. А, как известно, негативные, опасные реалии общественной жизни и процессы происходящие в обществе и государстве отражает уголовная политика.

Основным вектором развития и применения уголовно-правового управления считается работа над определением и объяснением соотношенности разрабатываемых и уже применяемых уголовно-правовых принципов, которые в наше время практически не используются, и не являются релевантными с практической точки зрения. Таким образом, мы говорим о способах развития уголовно-правовых правил, приведении их к оптимальному формату, под чем следует понимать приведение их в такое состояние, в котором они будут максимально эффективно применяться.

Известно, что уголовно-правовые нормы и общество взаимозависимы. Они (нормы) пишутся не ради абстрактных целей, но порождаются конкретными обстоятельствами и конкретными запросами, и служат для отображения их в уголовно-правовых принципах. Было бы разумно допустить, что из-за тяжести работы по созданию законов, иные не слишком точно отражают и восполняют то, что необходимо социуму. Недостатки законов иногда имеют причиной недостаточную ясность, надежность и понятность правовых указаний. Этим объясняется их невысокая отдача даже в случаях высочайшей эффективности служб. Подтверждению тому может быть некоторая неустойчивость системы законов [15, с.67].

По данным социологов, помимо прочих неточностей, совершаемых системой защиты законности, четвертое место по степени субъективной

значимости занимает фактор принадлежит неточности формулировок и парадоксальности следующих из них выводов [109].

В случае непрямого процесса написания законов, его некоторой самобытностью и обязательной неточности, описания реального положения дел, вполне реальна угроза поляризации подхода к судопроизводству. На эту опасность обращал внимание еще К. Маркс, когда писал, что «возможно развитие сверхпринципиального подхода к осуществлению такого рода деятельности, когда иные будут не только назначать меры наказания преступников, но и создавать преступников».

В общем УК Кыргызстана 1997 г. обладает, как считают некоторые, определенным преувеличением криминальной составляющей. В плане начальной идеи это объяснялось пониманием задачи создания «узкого и глубокого», а не «широкого и мелкого» Уголовного законодательства. Тем не менее, ошибки настоящего Кодекса обусловлены скорее тем, что при его создании и вступлении в силу, почти не учитывались идеи криминализации и декриминализации. На полном основании можно заявить, что кроме действий, относимых к «ядру преступного» (убийства, кражи, грабежи, разбой, изнасилования и т.д.), иные параграфы вписывались в УК без оглядки на многие обстоятельства, могущие влиять на постановления соответствующих органов. Таким образом, написание законов было весьма теоретизированным.

УК Кыргызстана, принятый 18 сентября 1997 года и действующий с 1 января 1998 года, явился, вне всякого сомнения, символом нового взгляда на уголовный контроль в стране. Действующий Кодекс, будучи в большей степени основанным в криминологии, имеет цель дать наибольшие гарантии защиты индивидуума, социума и государственной машины, а так же должен способствовать развитию социума следующего поколения, закреплению в нем идей приверженности закону и нормам, принятым в межгосударственной правовой практике.

Версия Базового Закона Кыргызстана 2007 г. добавила несколько следующих параграфов. В частности, «высшая мера» была удалена из закона и замещена пожизненным сроком, в значительной степени поправлены санкции, уделено особое внимание идеям восстановления и примирения.

Закон КР от 25 июня 2007 г. № 91, имеющий в юридической среде наименование «О гуманизации», добавил исправления в тексты Уголовного Кодекса, Уголовно-Процессуального Кодекса и многие законы Кыргызстана. Разумеется, законов без недостатков не может быть. Начиная с вступления в силу Кодекса, он не раз подвергался исправлениям. Принимая во внимание стремление Правительства смягчить и гуманизировать законодательство, в частности область, контролируемую Уголовным Кодексом, следует полагать, что тенденции смягчения в этой области будут только нарастать.

Для того, кто создает законы, крайне важно обладать в некоторой степени скептическим отношением, для определения слабых мест в законодательстве. Различия в реальной правовой практике и предписываемых нормах иной раз очень существенны. Их следует исправлять и сглаживать с помощью отмены норм, утративших свою релевантность в настоящее время. Отсутствие таких параграфов необоснованно и более того, губительно в силу того, что заставляет граждан относиться к закону, как к чему-то абстрактному. Исходя из того, что практическое применение определяет истинность, придется поверить, что отсутствие реального правоприменения в отдельных случаях свидетельствует об их практической бессмысленности.

Прослеживается тенденция - без полного реформирования «особенных» параграфов Кодекса, надежды на исправление ситуации нет. По всей видимости, теперь следует применять опыт использования или неиспользования в суде релевантных параграфов, с целью далее, при совершенствовании действующего Уголовного Кодекса, принять во внимание все неточности и создать более новый Кодекс уже с учетом идей криминализации и декриминализации. [9, с.33-41]

Вполне понятно, что нынешние законотворцы опираются в своей работе на любые иные принципы, кроме идей криминализации и декриминализации противоправных действий, как на важнейший принцип уголовного контроля. Тем и объясняются несовершенства действующего уголовного законодательства.

Наука уголовного прогнозирования, ее идея должна быть основана, в частности, на объяснении, предвидении, рекомендации в свете того, что противодействие незаконной деятельности начинает основываться на новых принципах, не дожидаясь установления их в законодательстве и официальной юриспруденции. К примеру, установление отношений между участниками рынка, не подкрепленное надежными прогнозами, созданное без оглядки на науку, случайным образом, приводимое как случайная попытка, имеет последствия, это усиление криминальных элементов, вхождение их в систему рыночных отношений, укрепление во всех смежных сферах жизни, что представляет угрозу для любого общества.

Выводы:

1. Опережающий прогноз в сфере борьбы с преступностью является непременным условием эффективности мер противодействия. Уголовно-правовой прогноз является гарантом оптимальной стратегии реализации нормативных предписаний. Учет прогнозной информации в правотворчестве должен быть обязательным требованием при разработке и принятии уголовного законодательства. Поэтому предложения по криминализации или декриминализации следует рассматривать как непосредственный результат уголовно-правового или криминологического прогноза.

2. Нормы уголовного закона, устанавливающие преступность и наказуемость того или иного поведения имеют особое значение и влияние на содержание прогноза преступности. Изменения и дополнения в уголовное законодательство, с точки зрения прогноза, должны отвечать требованиям дифференцированной и более гуманной уголовной политики.

3. Прогностическую основу изменений законодательства следует видеть в процессах декриминализации, депенализации и общего смягчения мер уголовно-правового воздействия, прежде всего в отношении преступлений небольшой общественной опасности, при сохранении строгих мер уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в тяжких преступлениях, и лиц, допускающих опасные виды рецидива. Отечественный законодатель этих правил придерживается не всегда, идя по пути установления уголовно-правовых запретов за деяния, не представляющих большой общественной опасности. Так, включение в закон новых норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие большой общественной опасности, но относительно распространенные в обществе, часто приводит к росту рецидивной преступности.

Проблемы правоприменительной практики в сфере противодействия преступности должны рассматриваться через реализацию системы основополагающих принципов уголовно-правовой политики: неотвратимости ответственности, гуманизма, справедливости, дифференциации и индивидуализации ответственности.

5. При сохранении в Кыргызстане в обозримой перспективе базового статуса уголовно-правовой политики по отношению к уголовной политике в целом цели первой должны быть трансформированы так чтобы: 1) максимально сузить круг деяний, которые сегодня признаются преступлениями, хотя и утратили общественную опасность или должны ее утратить в связи с планируемыми демократическими преобразованиями; 2) расширить круг преступлений за счет общественно опасных деяний, совершаемых чиновниками (максимально конкретизировав формы общественно опасного коррупционного поведения и иных должностных злоупотреблений); 3) понизить уровень репрессивности уголовно-правовых мер, применяемых к лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести; 4) усилить наказуемость тяжких и особо тяжких преступлений (прежде всего совершаемых в составе организованных групп и сопряженных

с коррупцией); 5) ограничить пределы судебного усмотрения при назначении наказаний за преступления во всех случаях, когда это возможно (прежде всего, за счет официального толкования так называемых оценочных признаков преступлений).

§ 2. Прогнозирование перспективных направлений уголовной политики

Г.А. Аванесов и А.А. Герцензон справедливо отмечали, что прогнозирование преступности (криминологическое прогнозирование) служит основой для уголовно-политического прогнозирования, выработки уголовной политики, соответствующего законодательства, для всего процесса “управления” преступностью. Речь идет, в первую очередь, о правоохранительной деятельности, совершенствование которой и есть опосредованное воздействие на преступность, а ее осуществление представляет собой прямое воздействие на преступность.

Эффективному противодействию преступности в Кыргызстане, как это было показано ранее, препятствуют различные факторы, часть из которых носит специфический характер. Среди них – отсутствие национальной концепции уголовной политики, адекватной реалиям социальной жизни. Несформированность в течение продолжительного времени такой концепции способствовала, как показало проведенное нами исследование качественному ухудшению криминальной обстановки в стране, заметному снижению эффективности правоохранительной деятельности и даже перерождению правоохранительных органов в свой антипод.

Как уже было отмечено ранее – «Уголовная политика представляет собой стратегическую основу определения социально-профилактических и уголовно-правовых мер противодействия преступности. В ней сконцентрированы основные задачи, методы, силы и средства, принципы этого противодействия. В самом обобщенном виде под уголовной политикой можно понимать искусство управления процессами борьбы с преступностью. Уголовная политика является политико-правовой формой реакции государства на преступность, специфической формой признания и разрешения социальных противоречий и антагонизмов» [71, с.4].

Фактические данные показывают, что при ослаблении правоохранительной деятельности преступность возрастает. Конечно, было бы неверным делать из этого такой вывод, что решение проблемы преступности всецело находится в плоскости повышения действенности правовых норм и работы органов уголовной юстиции. Но очевидно, что наибольший эффект в работе по перелому в борьбе с преступностью, последовательному и повсеместному устранению наблюдаемых в этой сфере негативных тенденций возможно только на базе добротной научной теории-теории уголовно-правовой борьбы с преступностью. Ее фундаментом как раз и призвана стать складывающаяся теория уголовной политики.

Как в теории, так и в практике имеются образцы уголовно-правового и уголовно-политического влияния на противозаконную деятельность. Их можно разделить на четыре базовых группы, применяемые в планировании, в различных пропорциях. Это: 1) «война с преступностью», 2) «борьба с преступностью»; 3) «компромисс в борьбе с преступностью» [110, 111, 112]; 4) «дифференцированное воздействие на преступность и контроль над ней» [113, с. 51-56; 114, с.11-12].

Что касается противозаконной деятельности при фактической реализации уголовного контроля, то имеют место три варианта применения воздействия уголовно-правовых методов.

При варианте №1 различимо предпочтение перед репрессивными идеями и акцент на усмирительные методы противодействия. При ослаблении понимания людьми своих прав и обязанностей, увеличении объема наиболее серьезных преступлений, уменьшении степени управляемости в сфере, противодействию незаконной деятельности, как правило, имеется соблазн применения карательных мер. Не имеющие опыта правоприменения массы, могут желать введения высшей меры наказания и других «знаковых» шагов. В таком случае обычно наращивают влияние силовые структуры, что грозит установлением полицейского государства.

«Забвение общегуманистических начал в отправлении правосудия, как убедительно показывает история человечества, всегда приводило к тотальному использованию мощи государства, к насилию и репрессиям», - утверждает С. Босхолов [115, с.40]. Идея «войны с преступностью» тождественна идее усиления репрессивного аппарата, что угрожает эскалацией глобального социального конфликта. Большое количество граждан «проходит через машину уголовной юстиции», и это крайне негативно влияет на социальный климат [115, с.41].

Жесткая система наказаний влечет массовое применение «высшей меры»; ослаблением гражданского контроля над пенитенциарной системой; введением практики «заочного осуждения». И все же преступные сообщества не сворачивают свои операции, а напротив, усиливают их, совершенствуя свои методы. Описанные выше методы, в силу их доступности для общественного восприятия пользуются, как правило, широкой народной поддержкой. Отсюда достаточно обоснованы опасения о возвращении «высшей меры» в уголовную практику.

В то же время, Х.Д. Аликперов выдвигает идею об отказе от популярной идеи, что интенсификация и углубление наказаний способно оказать решающее влияние на противодействие незаконной деятельности [110, с.56]. Практический опыт такого противодействия свидетельствует о том, что ни серьезность наказаний, ни распространенность серьезных приговоров, ни опасение перед возможным наказанием, не способны повлиять на ситуацию положительно. В то же время, не следует упускать из виду, что тюрьмы и колонии не так часто способствуют реальной положительной трансформации личности преступника, сколько усугубляют существующие проблемы.

В Кыргызской Республике и в Российской Федерации, широкие массы уже вполне осознают несостоятельность и неэффективность силового (карательного) воздействия в силу того, что оно испытывает потребность в жестком контроле, благодаря чему оно повсеместно считается не таким уж действенным. Помимо этого, необоснованное широкое применение

наказаний негативно влияет на правоохранительную систему, увеличивая разрыв между ней и другими гражданами [116, с.136].

Международная практика, прошлые события говорят о том, что описанный выше метод малоэффективен в большинстве случаев, а если и эффективен, то лишь в краткосрочной перспективе, из чего следует, что метод усиления наказаний не является обоснованным. Так, например, до недавнего времени суровые наказания за наркотики пользовались в США большой популярностью. В 1988 году, когда Конгресс принял очередную серию соответствующих законов, 62 процента американцев, опрошенных институтом Гэллапа, сказали, что готовы, ради борьбы с наркотиками, поступиться частью своих свобод. Неясно и то, насколько значительную роль сыграли драконовские законы, принятые для борьбы с наркобизнесом. Они, несомненно, переполнили тюрьмы. Например, в 1960 году по этим делам в местных тюрьмах сидел 1 человек из 25. К 1994 году за наркотики отбывал наказание уже один из трех. 45 процентов заключенных в штате Нью-Йорк осуждены за наркотики. В федеральных тюрьмах эта пропорция достигает уже 70 процентов.

Существует другой полярный подход к воздействию на преступность – необоснованная “гуманизация” борьбы с ней. В частности, это может проявиться в виде появления в системе наказаний таких его видов, чье исправительное и предупредительное воздействие сомнительно. Например, это касается ограничения свободы, публичное извинение с возмещением ущерба и т.п. Кыргызский законодатель также пошел по этому пути, приняв в 2007 г. уже упоминавшийся закон КР от 25 июня 2007 года. Такие действия законодателей не остаются бесследными в уголовной практике.

Разработчики закона от 25 июня 2007 г. не скрывали, что законопроект был разработан в целях сокращения тюремного населения [117, с.267]. Поставленная цель была достигнута. До принятия этого закона проф. Л. Сыдыкова в 2004 г. справедливо отмечала: «Если судить в целом о

действующей уголовной политике, то, по сути, она представляется достаточно жесткой» [118, с.38].

Однако, очевидно, что массовый перевод ряда преступлений из разряда тяжких в менее тяжкие с расширением возможностей примирительных процедур и завершения уголовного преследования должен быть научно обоснован. В противном случае можно прогнозировать падение предупредительного уровня уголовного закона со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями.

Третий подход в антикриминальной политике получил название ограничительной (сдерживающей) политики. Который имеет социально-профилактическую направленность и четкие правовые ограничения. Этот подход имеет правовую основу, являясь наиболее оптимальным и гибким подходом. «В рамках ограничительной антикриминальной политики реализуется уголовно-правовая борьба с преступностью, заключающаяся в осуществлении системы мер уголовно-правового воздействия на преступность. Они представляют собой разнообразную основанную на уголовном законе деятельность правоохранительных органов, которая классифицируется по целям воздействия на преступность. Нужна не война с преступностью, а воздействие на нее на основе права. Выход за правовое пространство исключает эффективность борьбы с преступностью», - считает Г.М.Миньковский. [119, с.87].

В условиях роста преступности, ужесточение уголовной политики выглядит естественной. «Этого активно требует ригористично настроенная часть населения и политиков: расстрелять, повесить, ликвидировать немедленно и т.п. Однако, как показывает опыт европейских стран, преобладающей тенденцией в период «криминального взрыва» должно быть не ужесточение, а рациональное развитие и даже смягчение уголовной политики. Одной из причин, которые обуславливают такую, на первый взгляд, парадоксальную реакцию является ограниченность материальных и профессиональных ресурсов, которые общество может использовать для

противодействия преступности. Эти ресурсы невозможно увеличивать темпами, пропорциональными росту криминальных проявлений. Кроме того, экстенсивный путь развития дорогостоящей и громоздкой системы уголовной юстиции, при попытке его реализовать, приводит к еще более разрушительным последствиям для общества, чем сама преступность» [120, с.6].

С похожей точкой зрения делится и Г.Ю. Лесников [121, с. 15]. Достаточно детально возможности комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности с похожими рисками и моделями развития криминологической политики изложены в работе В.Е. Новичкова [122, с. 56]. Особенности развития уголовной политики России и ее перспективы описаны в докторской диссертации Босхолова С.С. [123, с. 59-76]. Необходимо отметить, что все трое указанных российских ученых защитили в конце девяностых – середине нулевых годов свои докторские работы на базе одной кафедры уголовной политики Академии управления МВД России. Однако наиболее фундаментальной работой, результаты которой нашли отражение в выше перечисленных диссертациях, является докторская диссертация П.Н. Панченко, защитивший свою докторскую диссертацию по проблемам уголовно-правовой политики в 1990 г. [124]. Содержание уголовной политики как инструмента регулирования в сфере противодействия преступности стали предметом исследований и других ученых из регионов России. К примеру, в докторской работе И.Л. Третьякова отдельно исследуются международно-правовые аспекты уголовной политики [125, с. 223 -256], эта же тематика становится и предметом обсуждений на научно-практических конференциях [126, с. 132-154].

Неудивительно, что проблематика уголовной политики и ее прогноза заинтересовала и ученых из новых постсоветских стран, столкнувшихся с похожими вопросами повышения эффективности противодействия преступности в условиях трансформации постсоветского общества. [127, с. 59-76].

Задачи комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности, безусловно, должны формулироваться с учетом и базироваться на добротном анализе криминогенной ситуации, именно на этом, как считают отдельные авторы, строятся меры по декриминализации общества. [128, с. 45] При этом залогом эффективности уголовной политики является, безусловно, качественное ее прогнозирование. [129, с. 89]

Прогноз уголовной политики Кыргызстана возможен по трем основным сценариям. «Вероятный сценарий - уголовная политика медленно, но верно будет реформироваться в сторону гуманизации. Более вероятный сценарий – кардинальных изменений в уголовной политике не произойдет – напротив, негативные тенденции уголовной политики будут продолжаться – уголовная репрессия будет также адресована к все к тем же жертвам социальной политики (малообеспеченным, люмпенизированным, наркозависимым лицам), в то время как безнаказанность опасных преступников будет возрастать благодаря коррупции и несовершенству уголовного законодательства. В то же время уголовный закон будет продолжаться использоваться в качестве своеобразной дубинки для устрашения и устранения политических и экономических оппонентов. Менее вероятный сценарий предполагает существенные позитивные изменения в уголовной политике при условии реализации основных направлений ее совершенствования, а именно при надлежащем концептуальном, организационном, правовом и информационном обеспечении. Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость разработки комплексной программы противодействия преступности. Самым важным в данной программе представляется избежание методологических целеполагающих ошибок, допущенных ранее. К примеру, в программе по охране общественного порядка на 1995-1996 г. и специализированных программах по противодействию отдельным видам преступности в качестве одной из основных целей указывалось «усиление борьбы с преступностью». Ни одна из этих программ не увенчалась в конечном счете успехом. Главными

показателями этих стратегии усиления борьбы являются число новых законов и иных нормативных правовых актов, рост количества и численности силовых структур, число проведенных проверок, операций и т.п., когда борьба, в конечном итоге, превращается в самоцель». [9, с. 45]

Ногойбаев Б.Б., ученый – криминолог Кыргызстана с большим практическим стажем, утверждает, что интуитивизм и волюнтаризм планирования, как это ни печально, стал нормой жизни. Даже внешне привлекательно выглядящие документы, планы и концепции в большинстве своем редко когда основываются на подлинно научных, глубоких исследованиях [120,с.313].

В.П. Ревин отмечает неэффективность «одних мер уголовной репрессии в противодействии преступности, необходим переход от уголовных репрессий в борьбе с преступностью к ее предупреждению, как приоритету государственной политики в этой области. Современная концепция совершенствования уголовной политики направлена на сужение области направления деятельности правоохранительных органов. Среди форм реализации данного направления уголовной политики можно указать на более широкое применение реституции, (восстановления нарушенных правонарушением прав и свобод потерпевшего)». [130, с.78]

Перспективным направлением является также прогнозирование суммарных потерь общества как от преступности, так и от затрат на борьбу с ней («цена преступности» – соразмерность в экономических расчетах потерь затрат на борьбу с преступностью и иными правонарушениями в связи с реализацией задачи обеспечения реальной безопасности общества и отдельных граждан). Противодействовать преступности нельзя без оглядки на расходы. Для небогатой страны этот тезис представляется весьма актуальным. Содержание т.н. «тюремного населения» может становиться непосильным экономическим бременем. Критическая масса тюремного населения даже в простом количественном измерении может, как показали тюремные бунты 2006 г., приводить к непредсказуемым негативным

последствиям. В этой связи стратегии, направленные, на минимизацию наказаний, связанных с лишением свободы, представляются перспективной для Кыргызстана.

В Кыргызстане, также как и в России, есть отчетливое понимание того обстоятельства, что «снижение чрезмерной значимости уголовной юстиции, ограничение сферы ее деятельности - объективный процесс демократизации общества. Этот процесс во многих странах сопровождается созданием структур, которые используют нерепрессивные технологии, заключающиеся в оказании социальной помощи жертве (потерпевшему) и правонарушителю. Такой подход, помимо прочего, повышает роль жертвы и виновного в устранении конфликта, связанного с совершением правонарушения, в возможности устранить его последствия. В этом случае, обозначается еще одно направление в концепции уголовной политики - перенос центра тяжести (постепенно, при создании соответствующих предпосылок) с публичного обвинения к усилению диспозитивных начал и на формы частного обвинения» [130, с.8].

1. Прогнозирование перспектив уголовной политики должно оформляться в виде научно-обоснованной концепции, основанной на анализе потребностей общества в сфере противодействия преступности. Наиболее важными концептуальными идеями при этом должны стать ориентир на минимизацию преступности, экономию уголовной репрессии, ее дифференцированный характер.

2. Преодоление «кризиса правопорядка» является одним из важных направлений уголовной политики. В современном обществе все чаще происходят ситуации, когда общество остается беззащитным перед преступностью, не веря, как в профессиональные возможности субъектов уголовной политики, так и в эффективность самой системы правоохранительных органов. Неблагоприятная ситуация усугубляется снижением уровня доверия к судебным и правоохранительным органам в силу их пораженности коррупционными проявлениями.

3. Вынужденное ужесточение уголовной репрессии на уровне правотворчества должно предваряться прогнозом криминальной ситуации на краткосрочную и среднесрочную перспективы. При этом полагаем, что ужесточение уголовной политики вполне представляется обоснованным в отношении лиц, состоящих в организованных преступных группах и сообществах, а также преступников, совершающих резонансные и особо тяжкие преступления против личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами исследования сформулированы следующие выводы:

1. Эффективность противодействия преступности зависит от качества принимаемых управленческих решений концептуального, нормативного, программного и организационного характера, базирующихся на систематическом получении информации о будущем состоянии криминологической обстановки при использовании научных методов и процедур, что составляет содержание комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности.

2. Основу комплексного прогнозирования составляют криминологическое и уголовно-правовое прогнозирования, имеющие общие предметы и объекты исследования.

3. К предмету комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности относятся анализ состояния, тенденций развития и изменения социально-негативных явлений, каковым является преступность, мер ее превенции, правовые механизмы ее сдерживания, в первую очередь – законы уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного цикла, необходимость их постоянного совершенствования (модернизации), последствия криминализации, декриминализации, пенализации, депенализации, реформы правоохранительной системы, разработки и внедрения концепций, стратегий и программ противодействия преступности, то есть прогноз собственно уголовной и криминологической политики.

4. Эффективность прогнозирования напрямую зависит от применяемых методов и точности статистических показателей. При этом нельзя противопоставлять методы прогнозирования по их значимости. Ни один из перечисленных ранее методов не обеспечивает абсолютную точность прогноза. Ими пока удается охватить лишь некоторые факторы из числа интенсивно, влияющих на преступность. Очевидно, что высокая степень

вероятности прогноза обеспечивается совокупностью применения этих методов.

5. Главными объектами комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности являются криминологическая обстановка и уголовная политика.

6. В содержание криминологической обстановки входят состояние преступности, криминогенная ситуация, личностный криминогенный и виктимогенный потенциалы, а также другие социальные явления, имеющие отношение к феномену преступности и связанных с ней других форм девиантного поведения. История и современное состояние преступности не позволяют относиться к этому явлению как к преходящему и искоренимому в принципе. Из этого, однако, не следует что государство бессильно, например, перед коррупцией и организованной преступностью. Наиболее положительные результаты в борьбе с этими явлениями удастся достигать в периоды социального спокойствия посредством правильного сочетания экономических, политических, организационных, правовых мер.

7. Под уголовной политикой понимается деятельность государства и уполномоченных законом институтов гражданского общества, направленную на предупреждение, контроль и наказание за преступления, возмещение вреда причиненного преступлениями с целью снижения общественной опасности и распространенности преступлений, замедления темпов прироста преступности, уменьшения и максимального полного возмещения вреда, причиненного преступлениями.

8. Проведенное исследование показало, что большинство правоприменителей, включая таких субъектов уголовной политики как законодателей и руководителей правоохранительных органов, реализуют прогностическую функцию на интуитивном уровне, зачастую поддаваясь эмоциям, не опираясь на научные методы и процедуры. При принятии решений о криминализации тех или иных деяний следует предвидеть, что когда правовая норма основывается на соответствующих экономических,

социальных, социально-психологических, организационных предпосылках, она может оказать существенное влияние не только на статистическую картину преступности, но и на фактическое ее состояние.

9. При комплексном прогнозировании огромную роль и влияние имеет правильное определение ценностей общества, его традиций и ментальности в призмае прошлого, настоящего и будущего. Важно понимать, как ценности общества меняются в ходе его исторического развития, и каким образом это влияет на все конфликты (при этом особое внимание следует уделять политическим конфликтам).

Правильное применение разработанных методик прогнозирования позволяет получить приближенную к истине картину о будущем состоянии криминологической обстановки, в первую очередь о состоянии преступности, принимать упреждающие меры, в конечном итоге минимизировать преступность и ее последствия.

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. **Нормативные акты**

Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г., в редакции одобренной референдумом 27 июня 2010 г. – Бишкек: Токтом, 2010.

Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности от 12 июня 1999 г. № 56. – Бишкек: Токтом, 2010.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68. – Бишкек: Токтом, 2010.

Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 13 декабря 1999 г. – Бишкек: Токтом, 2000.

II. **Монографии, учебники, учебные пособия, лекции, авторефераты, статьи**

1. **Тогусаков, О.А.** Предвидение как функция науки [текст]/О.А.Тогусаков, – Б., 2002.

2. **Прогностика** [текст]/Прогностика. – М., 1987.

3. **Фесенко, Р.А.**, Прогнозирование научно-технического прогресса на основе переработки научно-технической информации [текст]/ Р.А.Фесенко, В.А.Лисичкин. – М., 1968.

4. **Бестужев – Лада, И.В.** Прогнозирование как одна из категорий подхода к проблемам будущего [текст]/ И.В.Бестужев – Лада//Проблемы общей и социальной прогностики. – М., Вып.1. 1968;

5. **Добров, Г.М.** Прогнозирование науки и техники [текст]/ Г.М. Добров. – М., 1967;

6. **Виноградов, В.Г.** Научное предвидение [текст]/В.Г. Виноградов. – М., 1973.

7. **Кондратюк, Л.В.** Региональное криминологическое прогнозирование: опыт, проблемы [текст]/ Л.В.Кондратюк // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.

8. **Аванесов, Г.А.** Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью [текст]/ Г.А. Аванесов. – М., 1972.
9. **Осмоналиев, К.М.** Противодействие преступности: уголовно-политический аспект [текст]/ К.М.Осмоналиев. - Б.: Чуйский университет, 1998.
10. **Миньковский, Г.М.** Криминологический и уголовно-правовой прогноз: значение, содержание, проблемы [текст]/Г.М. Миньковский //Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
11. **Жалинский, А.Э.** Актуальные проблемы прогнозирования процессов борьбы с преступностью [текст]/ А.Э.Жалинский // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
12. **Клейменов, М.П.** Уголовно-правовое прогнозирование [текст]: Дисс. ... д-ра юрид. наук/М.П. Клейменов. – Омск, 1992.
13. **Ковалев, М.И.,** О некоторых проблемах прогнозирования преступности в современной России [текст]/ М.И. Ковалев, Л.М. Ковалев //Российский юридический журнал. – 1997. - № 4.
14. **Координация действий в борьбе с преступностью** [текст]// Российская юстиция. – 1999. - № 5.
15. **Коробеев, А.И.** Уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и декриминализации в новейшем уголовном законодательстве России [текст]/ А.И.Коробеев. - Владивосток, 2005.
16. **Горшенин, Л.Г.** Криминалистическое прогнозирование [текст]/ Л.Г. Горшенин. - М., 1992. С.9.
17. **Кудрявцев, В.Н.** Общая теория квалификации преступлений [текст]/ В.Н. Кудрявцев. - М., 1999.
18. **Сотников, К.И.** Прогнозирование в деятельности следователя [текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ К.И. Сотников. - Свердловск, 1987.
19. **Рагимов, И.М.** Теория судебного прогнозирования [текст]/ И.М. Рагимов. – Баку, 1987.

20. **Якимович, Ю.К.** Структура советского уголовного процесса [текст]/ Ю.К. Якимович.- Томск, 1991.
21. **Криминология** [текст]/учебник. - М.: Изд-во МГУ, 1994.
22. **Основания уголовно-правового запрета** (криминализация и декриминализация) [текст]/ Основания уголовно-правового запрета. - М., 1982.
23. **Сафаров, Р.А.** Прогнозирование и юридическая наука [текст]/ Р.А. Сафаров // Советское государство и право. – 1969. - № 3. - С.63.
24. **Разгильдиев, Б.Т.** Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация [текст]/ Б.Т. Разгильдиев. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
25. **Бородин, С.В.** Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) [текст]/ С.В. Бородин // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сборник научных трудов. – М., 1994..
26. **Миньковский, Г.М.** Уголовная политика как предмет исследования и преподавания [текст]/ Г.М. Миньковский // Особенности развития уголовной политики в современных условиях /Тр. Академии МВД РФ. – М., 1996.
27. **Сотников, К.И.** Прогнозирование в деятельности следователя [текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ К.И. Сотников. - Свердловск, 1987.
28. **Рагимов, П.М.** Теория судебного прогнозирования [текст]/ П.М. Рагимов. - Баку, 1987.
29. **Бородин, С.В.** Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) [текст]/ С.В. Бородин // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. тр. - М., 1994.
30. **Уголовно-исполнительное право России.** Учебник для юридических вузов и факультетов [текст]: учебник под ред. А.И. Зубкова. – М.: ИНФРА–М– НОРМА, 1997.

31. **Ялунин, В.** Уголовно-исполнительная система Минюста России: что это такое? [текст]/ В. Ялунин // Следователь. – 1999. - № 6.
32. **Побегайло, Э.Ф.** О концепции уголовной политики в сфере правотворчества [текст]/ Э.Ф. Побегайло // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализация органами внутренних дел / Труды Академии МВД России. – М., 1995.
33. **Похмелкин, А.В.,** Новая концепция уголовной политики [текст]/ А.В. Похмелкин, В.В. Похмелкин // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – 1999.
34. **Алексеев, А.** Государственная политика борьбы с преступностью в России [текст]/ А. Алексеев // Уголовное право. – 1998. - № 3. –С. 100-104.
35. **Пономарев, П.Г.** О формировании уголовной политики [текст]/ П.Г. Пономарев // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализация органами внутренних дел. / Тр.. Академии МВД России. – М., 1995.
36. **Колобов, Г.** Нужна ясная уголовная политика [текст]/ Г. Колобов // Законность. – 2000. - № 3.
37. **Рабочая книга по прогнозированию** [текст]/ М.: Мысль, 1982. С. 393.
38. **Казимирчук, В.П.,** Современная социология права [текст]/ В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев.-М., 1995
39. **Краткий словарь по социологии** [текст]/ Краткий словарь по социологии / Под ред. Д. М. Гвишвиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1989.
40. **Процесс социального исследования** [текст]/ Процесс социального исследования. - М., 1975.
41. **Чубарев, В.А.** Общественная опасность преступления и наказания [текст]/ В.А. Чубарев. - М., 1982.
42. **Шлепентох, В.Э.** Как сегодня изучают завтра [текст]/ В.Э. Шлепентох. - М., 1975.

43. **Бешелев, С.Д.** Математико-статистические методы экспертных оценок [текст]/ С.Д. Бешелев, Ф.Г. Гурвич. - М., 1974.
44. **Гаврилов, О.А.** Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование [текст]/ О.А. Гаврилов . – М.,1993.
45. **Куприян, А.П.** Методологические проблемы социального эксперимента [текст]/ А.П. Куприян М.,1971.
46. **Блувштейн, Ю.Д.** Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника [текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/Ю. Д. Блувштейн. - М., 1967.
47. **Ковалев, М.И.** Основы криминологии [текст]/ М.И. Ковалев. М., 1970.
48. **Косоплечев, Н.П.** Методы криминологического исследования [текст]/ Н.П. Косоплечев. - М., 1981.
49. **Лазарев, В.В.** К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области права [текст]/ В.В. Лазарев // Правоведение. -1966. - № 1.
50. **Булатов, Г.Г.** Некоторые аспекты оценки базовых статистических данных о преступности и результатах борьбы с ней при криминологическом прогнозировании [текст]/ Г.Г. Булатов // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
51. **Аврютин, Ю.Е.** О формировании уголовной политики [текст]/ Ю.Е. Аврютин, Я.И. Гишинский. - М., 1987.
52. **Справка по итогам 2011 г.** – Б.: МВД КР, 2012.
53. **Босхолов, С.С.** О некоторых аспектах обеспечения прогнозирования преступности в связи с оценкой латентной ее части [текст]/ С.С. Босхолов // Методология и методика прогнозирования в сфере борьбы с преступностью. - М., 1989.
54. **Криминология** [текст]: учебник/ Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского/. - М., 1994.
55. **Лунеев, В.В.** Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции [текст]/ В.В Лунеев. – М.: Изд. Норма, 1997.

56. **Региональное криминологическое прогнозирование: опыт, проблемы** [текст]/ Л.В. Кондратюк // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
57. **Политология** [текст]: учебник. М.: Изд-во «Publishers», 1993.
58. **Курс уголовного права. Том 2. Общая часть. Учение о наказании** [текст]: учебник/ (под ред. проф. Н.Ф.Кузнецовой, доц. И.М.Тяжковой) - М.: «Зерцало-М», 2002.
59. **Федеральная программа Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы.** Утверждена Указом Президента РФ № 1016 от 24 мая 1994 г. [текст]/ Федеральная программа // Российская юстиция. 1994. № 10-12.
60. **Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью** [текст]/ - М.: Академия МВД России, 1996.
61. **Сухарев, А.Я., Основы государственной политики борьбы с преступностью. Теоретическая модель.** [текст]/ А.Я.Сухарев, А.И. Алексеев, М.П. Журавлев. М.:Норма, 1997.
62. **Босхолов, С.С.** Концепция реформирования уголовной политики [текст]/ С.С. Босхолов. - М.: Московский институт МВД РФ, 1999.
63. **Лист, Ф.** Задачи уголовной политики. Преступление как социальное явление [текст]/ Ф. Лист. - М.: Инфра• М, 2004.
64. **Гогель, С.К.** Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией [текст]/ С.К. Гогель. СПб. 1910.
65. **Чубинский, М.П.** Курс уголовной политики [текст]/ М.П. Чубинский. - Киев, 1909.
66. **Крыленко, Н.В.** Ленин о суде и уголовной политике [текст]/ Н.В. Крыленко. М., 1934.
67. **Советское уголовное право. Общая часть** [текст]/ А.А. Пионтковский. М., 1928.
68. **Шляпочников, А.С.** Толкование советского уголовного закона [текст] / А.С. Шляпочников. - М.: Госюриздат,1960.

69. **Герцензон, А.А.** Уголовное право и социология [текст]/ А.А. Герцензон. – М., 1970.
70. **Миньковский, Г.М.** О задачах и направлениях творческого решения проблем советской уголовной политики [текст]/ Г.М. Миньковский // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1985.
71. **Гребцов, О.В.** Уголовная политика современной России [текст]: Автореферат дисс. канд. юрид. наук/ О.В Гребцов. – СПб., 1998.
72. **Панченко, П. Н.** Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет [текст]/ П. Н. Панченко.- Томск, 1988.
73. **Пономарев, П.Г.** О формировании уголовной политики России [текст]/ П.Г. Пономарев // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. – М.: Академия МВД РФ, 1995.
74. **Уголовное право. Общая и Особенная Части** [текст]: учебник под ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина и С.В.Максимова. М.: Правоведение, 1999.
75. **Исмаилов, И. А.** Преступность и уголовная политика [текст]/ И. А. Исмаилов // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. – М.: Академия МВД РФ, 1995.
76. **Гилинский, Я. И.** Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия России [текст]/ Я. И. Гилинский // Уголовная политика России - прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. - М., 1997.
77. **Стручков, Н.А.** Исправительно-трудовая политика и её роль в борьбе с преступностью [текст]/ Н.А. Стручков. - Саратов, 1970.
78. **Коробеев, А.И.** Уголовно-правовая политика [текст]/ А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск: изд-во Красноярского университета, 1991.

79. **Дагель, П.С.** Проблемы советской уголовной политики [текст]/ П.С. Дагель.- Владивосток, 1982.

80. **Исмаилов, И. А.** Уголовная политика как сложная система [текст]/ И. А. Исмаилов // Учёные записки Азербайджанского государственного университета. Серия юридических наук. - Баку, 1975. № 1.

81. **Гребцов, О.В.** Уголовная политика современной России [текст]: Дисс. ... канд. юрид. наук/ Гребцов О.В. – СПб., 1998.

82. **Коняхин, В.П.** Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права [текст]/ В.П. Коняхин. - СПб: Юридический центр Пресс, 2002.

83. **Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»** от 24 июня 1999 года №120-ФЗ [текст]/ Федеральный закон // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999. №26. Ст. 3177; 2004. №35.Ст. 3607.

84. **Квашис, В.Е.** Уголовная политика в сфере борьбы с преступной неосторожностью (социологические аспекты) [текст]/ В.Е. Квашис // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985.

85. **Максимов, С.В.** Эффективность общего предупреждения преступлений [текст]/ С.В. Максимов. - М.: Академия МВД РФ, 1992.

86. **Миньковский, Г.М.** Об основах предупреждения преступлений (проект Федерального закона с пояснительной запиской) [текст]/ Г.М. Миньковский, В.П. Ревин, Л.В. Барина, А.Д. Донченко // Уголовная политика и проблема безопасности государства. Труды Академии управления МВД РФ, 1998. С. 5-24.

87. **Владимиров, В.А.** Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве [текст]/ В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов.- М.: Академия МВД СССР, 1979. С.7.

88. **Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью** [текст]/ М.: Академия МВД России, 1996.

89. **Основные положения государственной стратегии экономической безопасности Кыргызской Республики**, одобренные постановлением Правительства КР от 19 декабря 1996 года N 606 [текст] // Энциклопедия Кыргызского Права. 1997. № 1.

90. **Основные направления борьбы с преступностью** [текст]/ Основные направления борьбы с преступностью.- М., 1975. С.49.

91. **Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией, контрабандой и экономическими преступлениями в Кыргызской Республике на 2001 - 2003 годы**, утвержденная Постановлением Правительства КР от 3 марта 2001 года № 81 [текст] / Государственная программа // Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.

92. **Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел** [текст]/ Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел. Под ред. Л.И. Беляевой - М.: Академия управления МВД РФ, 2003.

93. **Гаухман, Л.Д.** Понятие советской уголовной политики и ее основные направления [текст]/ Л.Д. Гаухман, Ю.И. Ляпунов. - М.: Академия МВД СССР, 1980.

94. **Загородников, Н.И.** Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел [текст]/ Н.И. Загородников. - М.: МВШМ, 1979;

95. **Коробеев, А.И.** Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы [текст]/ А.И. Коробеев. - Красноярск, 1981;

96. **Осмоналиев, К.М.** Уголовная политика современного Кыргызстана: становление и развитие [текст]: Дис. ... д-ра юрид. наук/ К.М.Осмоналиев. – М., 2005.

97. **Миньковский Г.М.** Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы [текст]/ Г.М. Миньковский // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. Труды Академии МВД Российской Федерации. 1995.

98. **«Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики»**, утвержденная Указом Президента КР от 13 июля 2003 года УП № 221 [текст] // Энциклопедия Кыргызского Права. 2003. № 3.

99. **Указ Президента КР от 10 сентября 2001 года УП № 268 «Об упорядочении координационной деятельности правоохранительных органов»** [текст]/ Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.

100. **Указ Президента КР от 19 апреля 2003 года УП №132 «О мерах по совершенствованию прокурорского надзора и дальнейшему утверждению законности в Кыргызской Республике»** [текст] // Энциклопедия Кыргызского Права. 2003. № 3.

101. **Проект по разработке Концепции** создания единой информационно-правовой базы судов общей юрисдикции и программы по ее реализации в рамках проводимой в республике судебной реформы, одобренный распоряжением Президента Кыргызской Республики от 10 июня 2002 года №124 [текст]/ проект // Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.

102. **Шестаков, Д.А.** Криминология. Преступность как свойство общества [текст]/ Д.А. Шестаков. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001.

103. **Кондратов, П.Е.** Учет нормативно-правового фактора при составлении прогнозов в сфере борьбы с преступностью [текст]/ П.Е. Кондратов // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.

104. **Гольберт, В.** О течениях и водоразделах в криминологии уголовной политике [текст]/ В. Гольберт // Уголовное право. – 2002. - № 4.

105. **Курс уголовного права.** Общая часть. Том 1: Учение о преступлении [текст]: Учебник для вузов. под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. - М., 2002.

106. **Милюков, С.В.** Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа [текст]/ С.В. Милюков. – СПб., 2000;

107. **Наумов, А.В.** Два года действия Уголовного кодекса РФ: достижения и просчеты [текст]/ А.В. Наумов // Российская юстиция. – 1999. - № 9.
108. **Трахов, А.И.** Уголовный закон в теории и судебной практике [текст]/ А.И. Трахов. – Майкоп, 2001.
109. **Антонов, А.Д.** Теоретические основы криминализации [текст]/ А.Д. Антонов. – М., 2004.
110. **Аликперов, Х.Д.** Преступность и компромисс [текст]/ Х.Д. Аликперов. - Баку, 1992.
111. **Звечаровский, И.Э.** Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности [текст]/ И.Э. Звечаровский.- Иркутск, 1991.
112. **Сабитов, Р.А.** Совершенствование уголовно-правового регулирования посткриминального поведения [текст] / Р.А. Сабитов // Современные проблемы уголовного права и криминологии. - Владивосток, 1991.
113. **Барбинянга, А.** Борьба с преступностью: поиск новых путей [текст]/ А. Барбинянга, Л. Кушнир. // Коммунист Молдавии. - Кишинев. - 1989. - № 6.
114. **Нетрадиционные формы борьбы с преступностью** [текст]/ Нетрадиционные формы борьбы с преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. -1993. - № 9.
115. **Босхолов, С.С.** Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты [текст]/. С.С. Босхолов. – М., 1999.
116. **Артемов, В.М.** Правопорядок в современном Российском обществе: концептуальные обоснования и инновации [текст]/ В.М. Артемов. – М.: Академия управления МВД РФ, 1998.
117. **Гуманизация уголовного законодательства КР: проблемы теории и практики** [текст] /сборник статей. – Б., 2009.

118. **Сыдыкова, Л.Ч.** Гуманизация уголовного законодательства: альтернативы лишению свободы [текст]/ Л.Ч. Сыдыкова // Развитие пенитенциарной системы в Кыргызской Республике: результаты, проблемы и перспективы. – Бишкек, 2003.
119. **Миньковский, Г.М.** Избранные труды [текст]/ Г.М. Миньковский. – М., 2005.
120. **Ногойбаев, Б.Б.** Наркоситуация: анализ, диагноз, прогноз [текст]/ Б.Б. Ногойбаев. – Б., 2010.
121. **Лесников, Г.Ю.** Уголовная политика современной России: методологические, правовые и организационные основы. Дисс... докт. юрид. наук. [текст] / Г.Ю. Лесников. – М., 2005.
122. **Новичков, В.Е.** Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России. Дисс... докт. юрид. наук. [текст] / В.Е. Лесников. – М., 2005.
123. **Босхолов, С.С.** Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования. Дисс... докт. юрид. наук. [текст] / С.С. Босхолов. – М., 1999.
124. **Панченко, П.Н.** Проблемы формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР. Дисс... докт. юрид. наук. [текст] / П.Н. Панченков. – Горький, 1990.
125. **Третьяков, И.Л.** Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы. Дисс... докт. юрид. наук. [текст] / И.Л. Третьяков. – СПб, 2006.
126. **Голик, Ю.В., Коробеев, А.И.** Преступность – планетарная проблема: к итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. [текст] / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. – СПб, 2006.
127. **Жуманиязов, М.А.** Сущность уголовной политики Республики Казахстан. Дисс... канд. юрид. наук. [текст] / М.А. Жуманиязов. – М., 2006.

128. **Ступницкий, А.И.** Социологический анализ криминогенной ситуации на юге России и пути декриминализации региона. Дисс... канд. юрид. наук. [текст] / А.И. Ступницкий. – Ставрополь, 1998.

129. **Абызов, К.Р.** Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности: по материалам Сибирского федерального округа. Дисс... канд. юрид. наук. [текст] / К.Р. Абызов. – М., 2004.

130. **Ревин, В.П.** Концептуальные положения уголовной политики [текст]/ В.П. Ревин, Я.Г. Стахов, Е.В. Зябко // Современные проблемы уголовной политики, уголовного права и криминологии. Труды Академии управления МВД РФ. – М., 2002.